

В. В. КРЕСТОВСКИЙ

**В дальних водах
и странах**

Крестовский В. В.

В дальних водах и странах

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Крестовский В. В.

В дальних водах и странах / Крестовский В. В. —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

«В дальних водах и странах»- произведение русского прозаика и поэта Крестовского Всеволода Владимировича (1840-1895).***«В дальних водах и странах» - это путевые заметки, созданные Всеволодом Крестовским во время его путешествия из Одессы на Дальний Восток. Автор знакомит читателя не только с особенностями Черного и Средиземного морей, Индийского океана, но и со своими впечатлениями от Суэцкого канала, от таких стран, как Китай и Япония. Перу Всеволода Крестовского принадлежат романы «Петербургские трущобы», «Кровавый пуф», «Тьма египетская», «Тамара Бендавид»; историческая повесть «Деды»; мемуарная проза «Уланы Цесаревича Константина», «Очерки кавалерийской жизни»; стихотворения. Талант Крестовского состоит в том, что через судьбы героев его произведений проступает история российского государства во всей полноте и красочности деталей. Автора больше всего волнуют вопросы морального совершенствования общества. Он уверен, что от каждого отдельного человека зависит духовное здоровье нации. Поэтому в его произведениях злодеи, рано или поздно, получают по заслугам, а светлые личности, пройдя через немыслимые испытания, наконец обретают счастье и покой. Произведения Крестовского популярны и в наше время, некоторые из них экранизированы.

© Крестовский В. В.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ДО БОСФОРА	5
БОСФОР И ЦАРЬГРАД	8
ДАРДАНЕЛЛЫ И АРХИПЕЛАГ	14
СМИРНА И СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ	20
АЛЕКСАНДРИЯ	30
КЛОЧОК ЕГИПТА	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Всеволод Владимирович Крестовский В ДАЛЬНИХ ВОДАХ И СТРАНАХ

ДО БОСФОРА

Бумага о моем назначении. – Радость и испуг. – Аудиенция у великого князя генерал-адмирала. – Назначение генерал-адъютанта Лесовского¹ главноначальствующим эскадрой Тихого океана. – Новая бумага на мое имя. – Отъезд из Петербурга. – Состав лиц нашего штаба. – Прибытие в Одессу. – Встреча С. С. Лесовского черноморскими моряками. – Отъезд из Одессы на пароходе «Цесаревич». – Парадные проводы. – В Черном море.

12-го июня 1880 года, около одиннадцати часов вечера, курьер главного штаба доставил ко мне на квартиру пакет, в коем заключалась бумага за № 3.022, следующего содержания:

«Морское Министерство, признавая полезным, по бывшим примерам, иметь при начальнике эскадры нашей в Тихом океане секретаря, для ведения исторических записок о ее плавании, который, в то же время, мог бы быть и официальным корреспондентом «Правительственного Вестника» и «Морского Сборника», ходатайствовало о назначении на эту должность Вас, как уже бывшего в минувшую войну официальным корреспондентом «Правительственного Вестника» при штабе главнокомандовавшего действующей армией».

Далее перечислялись условия материального вознаграждения, сопряженного с должностью секретаря, и затем бумага гласила:

«На таковое ходатайство в 9-й день сего июня последовало высочайшее разрешение. Во исполнение сего предлагаю Вам немедленно отправиться в Кронштадт, на отправляющийся 15-го сего июня крейсер «Европа», по прибытии коего в Нагасаки, Вы должны поступить в распоряжение начальника эскадры наших судов в Тихом океане для исправления должности секретаря. Относительно же обязанностей во время плавания Вы будете снабжены предписанием от управляющего морским министерством, генерал-адъютанта Лесовского». Подписано: «За отсутствием начальника главного штаба, помощник его, генерал-адъютант Мещеринов».

Эта бумага застигла меня почти врасплох: она меня и порадовала, и испугала в одно и то же время. Я никак не ожидал столь быстрого решения этого дела, когда лишь за неделю пред тем был принят в особой аудиенции в Павловском дворце великим князем генерал-адмиралом.

Предметом этой аудиенции было предложение отправиться в дальнейшее плавание, и вот – едва минуло семь дней, как оно уже осуществилось: все решено и подписано.

Итак, моей давнишней и заветнейшей мечте о «кругосветном путешествии» – мечте, которую я и не дерзал никогда считать осуществимой, – вдруг, по воле покойного государя, суждено было обратиться в самую положительную действительность!.. Это меня и взволновало, и обрадовало, как уже давно я не радовался. Но не на шутку испугала меня при этом кратковременность срока, оставшегося до выхода в море. Всего два дня! Когда же, думалось мне, успею я приготовить к такому долгому плаванью, да и есть ли физическая возможность быть готовым, если придется заказать себе несколько дюжин белья, безусловно необходимого в море и несколько пар партикулярного платья, без которого нигде нельзя сойти на берег. Да и мало ли еще других приготовлений! Это только главные, белье да платье, а сколько мелочей, чего сразу и не сообразишь и не вспомнишь, но мелочей необходимых, без которых как без рук, а добыть их потом будет уже негде; наконец, надо было устроить свои дела, распорядиться

¹ «Назначение генерал-лейтенанта Лесовского». – Лесовский Степан Степанович (1817–1884). С 1876 года С. Лесовский был назначен управляющим Морским министерством.

относительно обеспечения близких, покидаемых мной лиц, а на все это двух суток, как ни прикидывал я, решительно не доставало.

Я решил, что завтра, когда явлюсь к великому князю генерал-адмиралу благодарить его за столь лестное для меня назначение, то буду вместе с тем просить его высочество, за окончательною невозможностью изготавиться к путешествию в столь краткий срок, разрешить мне отправиться на каком-либо ином военном судне, предназначенном к отплытию в те же воды позднее «Европы».

Его высочество, войдя в мое затруднительное положение, был столь милостив, что разрешил эту просьбу в положительном смысле и, позволив мне еще на несколько дней остаться в Петербурге, сказал, что о времени и способах моего отправления в путь я получу особое извещение от морского министерства.

В этот же самый день состоялось никем не жданное назначение на должность главноначальствующего Тихоокеанской эскадрой генерал-адъютанта Лесовского, с назначением его в то же время членом государственного совета; управление же морским министерством было тогда же высочайше вверено свиты его величества контр-адмиралу Пешурову.

24-го июня я получил обещанное его высочеством извещение, в коем инспекторский департамент морского министерства уведомлял меня, что я должен отправиться в Тихий океан не на крейсере «Европа», а при генерал-адъютанте Лесовском до Сингапура на почтовом пароходе.

Теперь мне было безразлично, когда именно отправляться, так как все мои путевые приготовления успел я окончить еще до 24-го числа.

На следующий же день (**25-го**) явился я к С. С. Лесовскому как непосредственному своему начальнику, и был принят и обласкан им с тою любезностью и неподдельным радушием, какие были так свойственны покойному адмиралу. Тут же узнал я от него, что наш отъезд из Петербурга предполагается никак не позже 1-го июля.

Тридцатого июня несколько моих добрых друзей и товарищей пожелали на прощанье пообедать со мною, и на следующий день в седьмом часу пополудни я уже был на станции Московской железной дороги, где в ожидании прибытия нашего начальника, адмирала, представился капитану 1-го ранга А. П. Новосильскому, ныне тоже покойному, который, будучи командиром броненосного корабля «Петр Великий», лишь в последние дни пред отъездом получил назначение в Тихоокеанскую эскадру в качестве флаг-капитана, по-сухопутному – начальника штаба.

Проводить С. С. Лесовского собралось на станции много родственников, друзей, знакомых и все, кто принадлежали к флоту из лиц, находившихся в Петербурге. Начальствующие и не начальствующие лица флотской службы присутствовали здесь в полной парадной форме. С. С. Лесовский отъезжал в дальний путь вместе со своей супругой Екатериной Владимировной, которая предполагала жить в Нагасаки, где, в случае нашей войны с Китаем, ей предстоял нелегкий подвиг – учредить временный госпиталь и руководить всем делом этого учреждения, в каком у нас, конечно, ощутилась бы настоятельнейшая надобность, так как русский госпиталь, в то время уже существовавший в Нагасаки, по размерам своим не мог вполне удовлетворять требованиям военного времени. С этой целью при Екатерине Владимировне отправлялась туда же Георгиевской общины сестра Стефанида, которая еще на театре последней нашей войны в Болгарии успела хорошо ознакомиться с обязанностями сестры милосердия. При этом предполагалось, что в Нагасаки, быть может, удастся им создать из местных, весьма сочувствующих нам элементов маленькую общину сестер милосердия для нашего госпиталя.

Кроме вышеназванных, из лиц штаба с нами отправлялись еще флаг-офицеры (по-сухопутному, адъютанты), лейтенанты: А. Р. Родионов и Н. Л. Россель (скончавшийся потом в Нагасаки). На станции Бологое должен был присоединиться комендант штаба, капитан-лейтенант Ф. Е. Толбузин, а в Одессе флагманский доктор, почтенный лейб-хирург двора его вели-

чества, действительный статский советник В. С. Кудрин. В Александрии ожидалось присоединение чиновника по дипломатической части коллежского секретаря М. А. Лоджио, хорошо знакомого с Китаем по своей недавней дипломатической службе в Пекине. Остальные лица штаба должны были прибыть впоследствии, так что встреча с ними предстояла нам не ранее, как в Нагасаки, если даже не во Владивостоке.

В семь с четвертью часов пополудни, напутствуемые благословениями, пожеланиями и приветом родных и друзей, мы с курьерским поездом выехали из Петербурга и, не останавливаясь в Москве, следовали прямо в Одессу, куда прибыли **4-го** июля в полдень. Здесь на железнодорожной станции ожидала С. С. Лесовского парадная встреча со стороны черноморских моряков и тогдашнего новороссийского генерал-губернатора, генерал-адъютанта Дрентельна. Моряки в тот же день почтили адмирала дружеским обедом в изящном садике «Северной гостиницы», куда были приглашены и все лица его штаба.

5-го июля в четыре часа пополудни назначен был наш выход в море. Еще с ночи полил дождь, да такой, о каком на севере едва ли и понятие имеют. Я по крайней мере, в Петербурге не помню подобного. В течение более полусуток лил он без перерыва, сопровождаясь грозой, и обратил одесские улицы, в особенности на спусках, в русла шумно крутящихся потоков, уносивших с собою множество различных, смытых с улиц предметов. Гроза разражалась прямо над головой и, судя по сплошным беспросветным тучам, район ее действия обнимал громадное пространство над сушей и морем. Этот обильный ливень с грозой был признан многими за доброе предзнаменование для предстоявшего нам дела.

В три часа дня все мы были уже на палубе парохода «Цесаревич», принадлежащего Русскому Обществу Пароходства и Торговли, который должен был доставить нас на восьмые сутки в Александрию. Сюда прибыли генерал-губернатор и весь наличный состав высших морских чинов проводить С. С. Лесовского. В гавани стояли три военных судна: яхта «Эриклик», пароход «Тамань» и шхуна «Гонец». Когда «Цесаревич» тронулся, на «Эриклик» грянула флотская музыка, старый Черноморский марш, и команды на всех судах были высланы на ванты, а на «Гонце» и на реи, откуда люди кричали «ура» в честь отъезжающего адмирала. Проходя мимо этих судов, адмирал прощался отдельно с командой каждого.

К вечеру дождь перестал, и погода несколько прояснилась, хотя небо все еще было покрыто на горизонте тяжелыми грозowymi тучами. В воздухе, благодаря этой грозе, заметно посвежело, и мы вдосталь могли надышаться морской прохладой, в особенности ценя ее после нескольких дней страшной жары и духоты, когда, как например **3-го июля**, жара в вагоне доходила до 28 градусов Реомюра². Это хотя бы и для тропиков в пору, да и там-то, говорят, не всегда так бывает. После грозы на море установился полный штиль, и наш «Цесаревич», делая по девяти узлов³, тихо покачиваясь, держал курс к Босфору.

6-го июля 1880 года.

С этого дня я поведу аккуратно мой путевой дневник. К сожалению, записывать пока нечего. Мы в море, погода тихая, солнце скрыто за облаками и потому – слава Богу – жара не донимает. Легкая бортовая качка. Капитан наш, Василий Трофимович Гаврилюк, опытный старый черномор, знает свое дело в совершенстве. Судно у него содержится в величайшем порядке, команда отлично вышколена и расторопна. Каюты наши очень комфортабельны и достаточно просторны, стол очень порядочный, и вполне приличный метрдотель, всегда одетый во фрак с белым галстуком и жилетом, всячески старается угодить пассажирам. Прислуга тоже очень вежливая, чистоплотная и привычная к морю. Словом, пароходы нашего «Русского Общества», как говорится, лицом в грязь не ударят и с успехом могут потягаться с «Ллойдами», «Мессажериями» и тому подобными иностранными компаниями.

² Реомюр – старая шкала температур. 1 Реомюр = 1,25 градусов Цельсия.

³ Узел – единица скорости судна, равная 1,852 км/час.

БОСФОР И ЦАРЬГРАД

Панорама Босфора. – Форты и башни. – Волшебное превращение здорового скота в зачумленный и зачумленного в здоровый. – Буюкдере и Румели-Гиссар. – Кое-что из истории этого замка. – Русский памятник. – Босфорские дворцы и Скутарийское кладбище. – Золотой Рог и вид на Константинополь. – Местные комиссионеры и гиды. – Вечерняя прогулка по Босфору и по Галате. – Турецкая кофейня. – Выход в Мраморное море.

7-го июля.

Вскоре после полуночи «Цесаревич» был уже неподалеку от Босфорского входа и прошел мимо плавучего маяка. Вдали видны были и другие огни на маяках Кара-бурну, Румели-фенар и Анадоли-фенар, из коих последние два высятся при самом входе в Босфор, один на европейском, другой на азиатском берегу. Но так как всем вообще судам воспрещается вступать в Босфор в ночное время, то «Цесаревичу» поневоле пришлось до самого рассвета лавировать взад и вперед малым ходом.

Я люблю панораму Босфора, и хотя уже неоднократно любовался ею и прежде, но счел бы грехом не доставить себе еще раз такого высокого наслаждения, и чуть лишь забрезжило на востоке, я уже был на мостике. И вот из-за плотных грозовых туч, низко скопившихся вдали над горизонтом, выплыл наконец на голубой простор багровый солнечный диск, облив полнеба и полморья и видневшиеся кое-где паруса золотисто-розовым заревом. Теперь «Цесаревич» уже полным ходом двинулся прямо к Босфору.

Вот они опять предо мной, эти древние, обвитые плющем башни, что рассеяны по вершинам прибрежных возвышенностей, и эти старые форты, что насели внизу у подошвы гор, над самым Босфором. Вот форт Мивеаница, вот Пойрас бурну, Буюк-лиман и прочие, некогда столь грозные для неприятеля, ныне же имеющие свое значение только для художника да разве еще для археолога. Теперь две земляные, современного типа батареи, вооруженные несколькими Круппами и Армстронгами⁴, почитаются совершенно достаточными, чтобы запереть вход в Босфор гораздо надежнее целого ряда древних каменных фортов с высокими массивными стенами, где однако же турки и доселе содержат зачем-то свои гарнизоны, вероятно, ради казарменных помещений.

Перед одним из таких фортов «Цесаревич» остановился и послал на берег старшего офицера предъявить патент о здоровье. Спустя минут двадцать он возвратился, но пароход наш все еще не двигался с места. Оказалось, что к нам пожаловала местная санитарная комиссия и полезла в трюмы, где помещался рогатый скот, везомый в Стамбул на продажу. Слышатся между пассажирами разговоры, что не пропускают далее, желая подвергнуть судно на неопределенное время строгому карантину, так как рогатый скот найден будто бы больным и даже зачумленным. Это был очевидный вздор, потому что быки и коровы, насколько их можно было видеть в широкие люки просторного трюма, сохраняли вполне бодрый, здоровый вид и обрадовались дневному свету, даже подняли мычанье, словно протестуя этим против несправедливых заключений санитарной комиссии. Тем не менее, турецкие чиновники, бормоча что-то между собою, сильно жестикулировали отрицательным образом и головой, и руками на все доводы, представляемые им пароходным толмачом, и строили самые недовольные, озабоченные физиономии, как бы желая изобразить этим не только всю государственную важность своих трюмных открытий, но и всю свою чиновничью непреклонность и граждански доблестную неподкупность.

Наш почтенный капитан, глядя на все это, принял наконец досадливо озабоченный вид.

⁴ «...Круппами и Амстронгами...» – виды существовавших в то время крепостных орудий. В частности, пушка Амстронга отличалась от ей подобных зарядением со ствола.

- Неужели, – спрашиваю его, – мы в самом деле везем зачумленный скот?
- Помилуйте, где там зачумленный! Просто бакшиш хотят содрать и только!
- И что же, придется дать?

– А, разумеется, придется. Ничего не поделаешь. Игнатий Иванович! – обратился он с мостика вниз к своему помощнику. – Суньте им поскорее, и пусть проваливают. Даром время только теряем.

Помощник достал из кошелька нечто и любезно пожал руку старшего, а затем и младшего санитарного ревизора. Те еще любезнее приложились ладонями к сердцам, губам и ко лбу, дескать, «сердце, уста и разум, все благоухает вам приветствием и благодарностью», и вслед за тем – о, чудо! – наш зачумленный скот моментально оказался совершенно здоровым, будучи признан за таковой самым официальным образом, и пароход, спустив по трапу за борт санитарных ревизоров, тронулся далее. Все это произошло так просто, откровенно, даже с какой-то детской наивностью со стороны турецких чиновников, что не возмущаться, а невольно смеяться хотелось: взятка была дана и принята публично, при всех пассажирах, как самое обыкновенное, законное дело, и скот публично же, воочию всех, признан здоровым. Большой руки патриархальность.

- А много пришлось заплатить комиссии? – спросил я как-то потом у капитана.
- Сто франков золотом. Это уж положение, когда скот провозят, меньше не берут.
- А если бы и в самом деле он был заражен?

Но капитан объяснил мне, что на судах «Русского Общества» этого быть не может, потому что Общество, в видах собственной пользы, бережет свои пароходы от заразы и маломальски сомнительного скота вовсе не принимает.

- У нас ведь предварительно его свидетельствуют. На вольных судах – там иное дело.
- Стало быть, случается?
- Не без того. Всяко бывает.
- Ну и как же в таком случае? Ворочай назад?
- Назад?.. Помилуйте, зачем же!.. Вместо ста франков придется заплатить триста, четыреста, и больше ничего, пропустят свободно.

Превыгодная, значит, служба в турецком санитарном надзоре.

Идем далее по Босфору. Знакомые картины, знакомые впечатления, и все также дивно хороши эти склоны гор, покрытые кудрявыми садами, эта длинная, почти непрерывная цепь селений и предместий, представляющих отдельные группы скученных и нагроможденных друг над другом легких домиков, дач, минаретов, бельведеров, висячих веранд, дворцов и киосков; эти прозрачные, изумрудно-зеленые волны с их грациозно легкими остроносыми каиками⁵ и высококормистыми, ярко разукрашенными фелукками⁵; этот бальзамический воздух, напоенный ароматом роз и кипарисов, – все это то же, что и прежде, и впечатление, производимое им, так же свежо и поэтично, как и в иные дни, когда перед моим восхищенным взором впервые предстала вся эта благоухающая и картинная прелесть.

Вот Босфор расширяется, образуя небольшой залив. Это Буюк-дере со своею каменной набережной, обрамленной аллеей прекрасных деревьев и рядом красивых дач. Здесь же сморится в тихие воды прекрасный дворец русского посольства, над фронтоном коего парит изваянный двуглавый орел наш, преемственный представитель древней Византии, а позади этого дворца, по всему крутому склону высокой горы, до самой ее вершины красуется роскошный парк, где разные террасы, беседки и киоски тонут в кудрявой свежей зелени, обмытой недавним дождем.

⁵ Каика, фелукка (фелука) – виды прибрежных судов, причем каика – длинная, иногда парусная лодка, также характерная для Константинополя (Царьграда), как гондола для Венеции, а фелука – небольшое парусное судно, употребляемое в конце XIX века для торговли в прибрежных водах.

Миновав Буюк-дере и Терапию, мы вступили как бы в отдельное озеро, которое на глаз кажется замкнутым со всех сторон. Здесь Босфор опять расширяется и являет один из самых картинных своих уголков. На европейском его берегу высятся серые стены и пять массивных башен древнего замка Румели-Гиссар, а напротив, на берегу Азиатском – Анадоли-Гиссар, другой подобный же замок. С первым из них связано много воспоминаний, мрачных для местных христиан и горделиво-светлых для покорителей-турок. Румели-Гиссар как бы навис над самым Босфором, а его высокие башни и до сих пор стоят безмолвными, хотя уже и не грозными стражами мусульманского владычества над его берегами. Каждая из этих пяти башен соответствует одной из букв имени грозного основателя замка. Румели-Гиссар построен султаном Магометом II еще до взятия им Константинополя. Отсюда началось окончательное покорение этого города и сокрушение Восточной Римской империи. Сам Махмуд и все его полководцы и вельможи личным физическим трудом участвовали в постройке Румели-Гиссара, рыли землю, сносили к месту и складывали камни, из которых воздвигались его стены. Так говорит предание. Главная же масса рабочих состояла из окрестных христианских поселян, к которым турки были беспощадны до такой степени, что если кто из работников падал в изнеможении от непосильного труда, то его тут же замуровывали в фундаменте и в стенах. Эта же казнь полагалась и для недостаточно усердных христианских работников. Таким образом, Румели-Гиссар построен в буквальном смысле слова на христианских костях. Впоследствии его казематы служили тюрьмами для некоторых пленников и христиан, осужденных на вечное заключение за какие-либо провинности против своих работодателей. Поэтому европейцы и называли его некогда «Замок Забвения». В передней стене этого замка, выходящей прямо на Босфор и менее высокой, чем остальные, находятся низенькие сводчатые ворота, к которым ведет узкий подземный ход, устроенный в ширину одного человека под крепостными стенами. Эти ворота доселе памятны и стамбульским мусульманам: из них, при султани Махмуде, в двадцатых годах текущего столетия, были в одну ночь выброшены в море несколько тысяч янычар, заключенных пред сим в этом замке. Исполнители воли Махмуда уверили их, что султан дарит им помилование под условием выселения в Малую Азию и что с этой целью каики уже ожидают их у Румели-Гиссара. По мере того, как янычары поодиночке выходили согнувшись из низеньких ворот, палачи с размаху отрубали им головы, а других просто душили и бросали в волны пролива.

Невдалеке от этого места, на азиатском берегу находится долина Хункяр-Скелеси или Султание-Скелеси, что означает «пристань султана». Здесь впадает в Босфор речка Токат, прикрытая тенью развесистых старорослых чинар и каштанов и известная в древности под именем Босфорского Нимфея. В этой долине, во времена Крестовых походов, стояло лагерем войско Людовика VII, а в 1832 году здесь же был расположен русский отряд генерала Муравьева, посланный императором Николаем на помощь султану Махмуду против Мехмед-Али, паши египетского. До последней войны на месте русского лагеря на горе стоял гранитный памятник, которого, впрочем, мы теперь не заметили. Не знаю, уничтожен ли он турками или мы сами проглядели его в наши бинокли.

Плывем близко к азиатскому берегу, мимо беломраморной набережной изящного дворца Беглербей, где великий князь Николай Николаевич после Сан-Стефанского мира⁶ принимал ответный визит султана; немного далее, на берегу европейском, высятся красивые здания дворцов Чарыгана, служащие местом заключения для султана Мурада V, и до Долма-Бахче, а над ними, на высотах утопает в зелени своих садов Илдыз-Киоск, добровольная тюрьма Абдул-Гамида⁷, из которой он в последнее время не выходит по целым неделям, нередко пропуская даже обязательные парадные выходы по пятницам, в мечеть, и живет во мрачном уединении,

⁶ Сан-Стефанский договор 1878 года завершил русско-турецкую войну 1877–1878 гг.

⁷ Абдул-Гамид II – 34-й султан Турции, возведенный на престол в 1876 году партией реформаторов.

окруженный несколькими батальонами своей гвардии, не доверяя ни своим министрам, ни своему народу. На склонах окрестных гор видны разбросанные кое-где конические палатки отдельных пикетов, а за ними белеют вдаль целые лагеря, на которые невольно обратишь внимание, потому что оттуда беспрестанно раздаются звуки сигнальных рожков. Не знаю, точно ли, но говорят, что турки очень любят военные сигналы, которых у них будто бы множество, так что все малейшие отправления лагерной жизни исполняются не иначе как по трубному звуку. Вот раскинулась пред нами широкая панорама азиатского предместья Скутари с его высокими мечетями и обширными казармами, что украшены по углам четырьмя башнями и приспособлены к защите как самостоятельный громадный редут. Из-за массы скутарийских домов, построенных почти сплошь в турецком стиле, вырезаются вровень с белыми иглами минаретов темно-синие, почти черные, иглы кипарисов скутарийского кладбища. Эта длинная полоса густого леса, похожего издали на громадный зубчатый частокол, служит излюбленным местом последнего успокоения для стамбульских мусульман. Турки предпочитают быть похороненными здесь, на азиатском, более родном для них берегу, полагая, что в Европе, где они все-таки временные пришельцы, смертный покой их праха может быть когда-либо нарушен. Опасение, надо отдать ему справедливость, чисто турецкое.

В восемь часов утра «Цесаревич» стал наконец в устье Золотого Рога, отшвартовавшись у одного из больших красных баканов⁸, разбросанных ради этой цели по водам порта.

Знакомые все виды... Куда ни взглянешь, все прелесть как хорошо! В Золотом Роге и на рейде застали мы много больших судов под флагами почти всех европейских наций. Ближе к стамбульскому берегу сгруппировались в особую группу борт о борт и красуются своими художественными формами турецкие фелукки и кочермы⁹, изукрашенные кружевной резьбой по дереву и ярко раскрашенные восточными узорами. Десятки легких пароходов торопливо снуют в разные стороны, и сотни грациозных каиков плавно скользят и качаются по всему водному пространству. Жизни и красоты тут неисчерпаемо. Вот маленькая башня Леандра, иначе Кыз-кала, то есть «башня девы», словно вынырнувшая прямо из вод, в самом центре, где сливаются Босфор, Золотой Рог и Мраморное море; вот Серальский мыс и над ним старый Сераль среди темных кипарисов, тяжело улегшийся на своих каменных террасах, покрытых висячими садами, а далее по берегам Золотого Рога знакомая панорама холмов Стамбула и Перы с их башнями и поясом нагроможденных амфитеатром пестрых домов, дворцов, высоких арок, водопроводов, колонн, террас, садов, кладбищ, громадных мечетей с широкими полусферическими куполами и белыми тонкими минаретами, которые словно стрелы или гигантские восковые свечи стремятся в небо и горят на солнце своими золотыми полумесяцами. Сколько бы ни глядел на эту дивную, единственную в мире картину, никогда, кажется, не наглядишься вдоволь и всегда заметишь в ней что-нибудь новое, неожиданное, что ускользнуло как-нибудь прежде от глаз, сперва пораженного картиной целого, а затем растерявшегося в ее разбросанных уголках и красивых деталях. Впрочем, что же мне описывать то, что уже столько раз и во многих случаях так талантливо было описано! Это значило бы повторять старое или расплываться в общих выражениях. Поэтому не ждите от меня описаний ни самого города, ни его достопримечательностей, ни склада его жизни и особенностей быта. Это была бы слишком обширная и слишком специальная тема.

Не успели мы отшвартоваться у бакана, к борту пристал паровой катер, присланный из русского посольства, и увез С. С. Лесовского с супругой в Буюк-дере, где их уже заранее ожидали старые знакомые; мы же поспешили съехать на берег, чтобы покататься по городу и еще раз посетить в Стамбуле святую Софию, Сулеймание, Махмудие, Атмейдан, подземелье

⁸ Бакан или бакен – плавающее на воде тело в виде бочки или конуса. Баканы красного цвета ставятся над мелью.

⁹ Кочерма – турецкое одномачтовое судно для прибрежного плавания.

тысячи и одной колонны и другие места, с которыми связано у меня столько воспоминаний и впечатлений моего первого пребывания в Царьграде.

Без гида только что приехавший путешественник здесь не обойдется, хотя бы город был ему знаком, как своя собственная комната. Хотите вы, или не хотите, проводник непременно и чуть не насильно увяжется за вами со своими назойливыми объяснениями. Идете вы пешком, он пойдет рядом и будет развязно болтать вам на плохом французском языке о встречаемых «достопримечательностях», о сплетнях, скандалах и новостях дня, о женщинах, посланниках и министрах и оказывать разные непрошенные мелочные услуги; садитесь вы в экипаж, он проворно вскочит на козлы рядом с арабаджи и будет менторски повторять ему ваши приказания; вы делаете вид, что не замечаете. Ъ его, он все-таки продолжает свою болтовню, вы наконец решительно говорите ему, что не нуждаетесь в его услугах, даже просто гоните его прочь, а он вам на это любезно осклабляется, низко кланяется, соглашается с вами и все-таки продолжает шествовать сзади, а через две-три минуты глядишь: уже снова пристал со своими докучными докладами, объяснениями и услугами. Таков уже хлеб, такова профессия этих людей, и ничего с ними не поделаешь, как с неизбежным злом, которому надо покориться.

Так точно и на этот раз увязался за нами некий Ангелос Перакис – «quide, interprite et courtier en Orient»¹⁰, как значилось на его визитной карточке, которую он поспешил сунуть нам в руку, первым появясь на палубе, чуть лишь только пароход стал на рейде. Но дело не ограничивается каким-нибудь одним Перакисом: вы, например, входите во двор какой-либо мечети или султанской усыпальницы, а там уже поджидает вас, как коршун свою законную добычу, другой Перакис, местный, только уже не левантинец, а турок, и, несмотря на присутствие вашего собственного Перакиса, еще более ломаным языком начинает объяснять вам, тыкая пальцем на гробницы: «иси мадам Махмуд, иси лотр мадам, иси мосью, иси пети, иси анкор пети», а в заключение непременно протянет вам руку и настойчиво потребует «бакшиш». Без бакшиша здесь шагу ступить невозможно, ни на улице, ни в правительственных учреждениях, впрочем, это давно уже известная истина.

В сумерки задумали мы с капитаном «Цесаревича» совершить прогулку по Босфору. Приказал он спустить шлюпку, четверо матросов сели на весла, поехали. Вечер был дивно хорош, тишина в воздухе полнейшая – листок не шевельнется. Мы поплыли вверх по Босфору, а тем временем сумерки сменились яркозвездной ночью. Мы плыли недалеко от Чарыгана, откуда слышались звуки флейты из одного открытого и ярко освещенного окна. Может быть, кто-нибудь из приближенных развлекал Мурада, а может быть, и сам он развлекался в своем заточении этим меланхолическим инструментом. Нам хотелось проехать мимо дворца, но едва только капитан повернул руль и поставил шлюпку в надлежащем направлении, как почти в ту же минуту послышались всплески нескольких дружно работающих весел, и из тьмы неожиданно выплыли две военные шлюпки, одна вдогонку, другая навстречу нам; и обе вдруг отрезали нас от берега. Та, что шла вдогонку, поравнявшись с нами, пошла почти рядом, по одному направлению, как бы конвоируя или следя за нами. Все это совершилось очень быстро и в полнейшем молчании, даже не окликнули обычным «ким-дыр-о?»¹¹. Когда же мы прошли границу Чарыгана, шлюпка незаметно отстала и исчезла в темноте так же таинственно и быстро, как и появилась. При обратном следовании повторилось то же самое и опять в полнейшем молчании. Зорко, значит, стерегут несчастного Мурада.

Мы сошли на берег у пристани недалеко от дворца Долма-бахче и отправились гулять по каштановой аллее, что обрамляет улицу позади дворца, а потом пошли и далее. Издали доносились откуда-то струнные звуки и гортанный, но приятный голос певца, напевавшего какую-то восточную песню. Пошли на этот голос и вскоре очутились подле какой-то турецкой кофейни,

¹⁰ Гид, переводчик и проводник...

¹¹ Кто идет?

украшенной снаружи цветущими олеандрами в кадках и освещенной двумя-тремя молочно-матовыми шарами. На широких деревянных скамьях с высокими ножками и резными спинками сидели, поджав под себя ноги, степенные осмалы¹² в красных фесках; одни из них курили кальян, другие прихлебывали кофе из маленьких фарфоровых чашечек, и все вообще задумчиво слушали сидевшего тут же турка-певца, который аккомпанировал себе на большом пузатом торбане. Что хотите, но турки своим присутствием придают много характерности и даже своеобразной прелести жизни этого города. Они как бы дополняют собою характерные красоты окружающей природы и, в сущности, ей-Богу, будет очень жаль, по крайней мере с художественной стороны, если их когда-нибудь выгонят совсем из Константинополя. Без турок этот дивный город окончательно уже обратится в вольную клоаку всякой международной сволочи. К сожалению, и теперь уже общелиберальный безличный пиджак все более и более вытесняет картинные восточные костюмы. Одна только феска пока еще борется с котелком и цилиндром; но пышная чалма даже и в самом Стамбуле – увы! – представляет уже довольно редкое явление.

8-го июля.

Около полудня возвратились из Буюк-дере С. С. Лесовский с супругой и просили меня быть их чичероне по Стамбулу. Мы тотчас же съехали на берег, но так как времени оставалось у нас очень немного, то осмотр достопримечательностей пришлось ограничить только Святой Софией, Селимом, древним византийским Гипподромом (Атмейдан) и Безвестеном (центральный базар Стамбула). Все это наскоро мы успели окончить к началу пятого часа дня и возвратились на пароход, куда к тому времени приехали из Буюк-дере несколько наших посольских дам проводить Екатерину Владимировну и адмирала.

Ровно в шесть часов дня «Цесаревич» тронулся в дальнейший путь, в красивое Мраморное море. Адмирал очень интересовался местами нашей Сан-Стефанской стоянки, мимо которой мы теперь проходили, и много расспрашивали меня о том времени. Но зачем повторять эти общеизвестные грустные воспоминания о шести месяцах бездействия и болезней, выдержанных нашей армией под стенами Царьграда, и о той нравственной пытке, какую переносили мы здесь в дни Берлинского конгресса!..

¹² Османны – турецкоподданные.

ДАРДАНЕЛЛЫ И АРХИПЕЛАГ

Первое разочарование. – Природа дарданелльских берегов. – Галлиополи. – Дарданеллы и Ченак-кале. – Гончарные изделия. – Древние и новые дарданелльские форты и батареи. – Селение Йени-Шехр. – Эгейское море и вид на Архипелаг. – Кроличьи острова. – Берега Малой Азии. – Остров Тенедос. – Классическая Ида. – Развалины Трои. – Остров Митилена. – Наша палубная публика. – Бывшие наши пленники-турки. – Богомольцы и странники русские, мусульманские и иные. – Русское Афонское подворье и удобства способов передвижения. – Палубный маркиз. – Важный пассажир.

9-го июля.

С рассветом вступили в Дарданелльский пролив. Столько великих исторических воспоминаний, соединенных с именами Ксеркса, Александра, Фридриха Барбароссы, Солимана-бен-Орхана, столько классической поэзии и мифологических легенд о Леандре и Геро, и какая жалкая действительность!.. Пустынность, общая пустынность берегов и лежащей за ними местности, вот что прежде всего поражает вас после Босфора, если вы думали, что и здесь встретите нечто подобное. Ничего похожего! Местность представляет здесь большею частью плоско-полюе, совершенно голые холмы бурого-желтого цвета, где лишь изредка пробивается очень скудная чахлая растительность, в которой преобладают низенькие кусто-видные деревца запыленных маслин. Азиатский берег несколько выше европейского. На том и другом изредка виднеются белые домики с высокими шестами: это маяки. Движение судов ничтожно: на всем протяжении пролива мы встретили только один пароход да три-четыре греческие шхуны. Местный каботаж, кажется, вполне отсутствует; по крайней мере, около берегов он ни единым парусом не заявляет о своем существовании. Втягиваясь глубже в пролив, можно разглядеть кое-где по склонам возвышенностей в глубине страны довольно большие селения, но берега все-таки поразительно пустынные. Кое-где заметны остатки древних укреплений, башен, стен, которые, вероятно, были бы интересны для археолога, но для художника как аксессуар пейзажа отнюдь не красивы. Не доходя Галлиполи видны на плоскости редуты и оборонительные казармы, затем местность к западу начинает несколько повышаться. Самый же Галлиполи не более как ничтожный с виду, маленький городишко, стоит на солнцепеке, и хоть бы один клочок зелени скрасил собою однообразие его апсидно-серых черепичных кровель! Ни деревца, ни кустика. Вот начинаются береговые форты: справа – каменный на 26 орудий, слева – земляной редут, венчающий собой высокий бугор курганной формы, а рядом с ним, у подошвы бугра, большой форт, где видны и каменные, и земляные верки¹³. Город сгущился амфитеатром до половины горы, около высокой каменной стены и двух древних толстых башен крайне неуклюжей формы. Отсюда начинается ряд фортов, где каменные постройки стародавних времен перемежаются с земляными брусстерами современной фортификации. Древние стратеги, надо отдать им справедливость, отлично сумели выбрать здесь место для своих береговых укреплений, так что новейшему инженерному искусству оставалось только следовать их указаниям и приспособлять избранные им пункты к системе нынешней обороны.

Напротив, на азиатском берегу, лежит городок Ченак-Кале, у которого «Цесаревич» приостановился на несколько минут, чтобы сдать какой-то коммерческий груз. Пользуясь временем этой остановки, к борту сейчас же пристал каик, наполненный гончарными произведениями самых причудливых форм. То были преимущественно фигурные кувшины в виде лошадей, тигров, змей, уток и тому подобного, украшенные черной поливой и цветными узорами с золотом. Этими произведениями местной промышленности снабжаются из Ченак-Кале не только проезжающие мимо мусульманские странники, но вы встретите их и в Константи-

¹³ Верк – общее название крепостных оборонительных сооружений.

нополе, куда они доставляются в весьма большом числе, и даже в Адрианополе. Цены на них не особенно дороги. Так большой черный, очень красивый кувшин с золотыми узорами стоит 15 галаганов, то есть три франка с запросом, а уступается европейскому путешественнику за два франка и даже менее, если вам не надоест торговаться; мусульманин же покупает точно такую вещь за полфранка. Между Дарданелльским мыском европейского берега, где теперь насыпана новая батарея, и старым Ченакским фортом, представляющим широкую каменную башню с бойницами, находится самое узкое место пролива, 570 сажен в поперечнике, где, по преданию, Ксеркс¹⁴ строил свой мост, разнесенный бурей. На крепостной башне Ченак-Кале сохраняются еще на действительной службе древние бронзовые пушки с причудливыми украшениями, из коих некоторые, как говорят, служили еще при Магомете II, покорителе Царьграда. Около них сложены пирамидки из каменных ядер, а рядом, на современной земляной батарее бутылевидные армстронги глядят своими приподнятыми жерлами в Эгейское море на дарданелльские входы. Новейшие батареи в системе дарданелльских укреплений насыпаны из песчанистой почвы, и между ними, насколько можно судить по наружному осмотру, нет ни одной казематированной, орудия действуют через банк, так что в сущности они вовсе не столь грозны, как о них привыкли думать, и мне кажется, что для смелых моряков, вооруженных хорошей артиллерией, было бы вовсе не трудно не только сбить орудия, но и совсем разрушить все эти укрепления с моря.

Идем далее. Слева, на азиатской стороне, видна долина классического Скамандра близ его устья. Ряд деревьев, по очертаниям судя, чуть ли не вербы, осеняет течение этой болотистой речки. Вот далеко-далеко впереди обрисовалась слегка в тумане гора Святого Ильи, представляющая собой высшую точку острова Тенедоса, а вот и выход из Дарданелльского пролива, охраняемый турецкими фортами. На европейском берегу большой каменный форт новой постройки, Седдиль-Бахр, а на азиатском – крепостица Кум-Калесси, тоже каменная, новая, но, как первый, так и последняя строены по образцу древних сооружений этого рода. Седдиль-Бахр, однако, не казематирован, и так как он расположен на самом склоне прибрежной возвышенности, то его внутренность остается вся на виду с моря. Ниже Седдиль-Бахра, почти под его подошвой, на площадке небольшой возвышенности в 140 футов, стоит особый каменный форт новой постройки, который, мне кажется, будет немножко посильнее своего верхнего соседа тем, что он более укрыт и по своим размерам представляет меньшую цель для неприятельских орудий.

С азиатской стороны, – на возвышенности у выхода в Эгейское море, расположено христианское селение Йени-Шехр, где видны каменная церковь с башенкой и целый ряд каменных ветряных мельниц, причем, вместо обычных дубовых крыльев, здесь приспособлены небольшие полотняные паруса треугольной формы, числом до дюжины на каждой, что придает этим мельницам очень оригинальный вид.

Итак, Дарданелльский пролив пройден, мы в Эгейском море. Справа виден остров Имброс, а за ним возвышаются легким силуэтом Самотраки и Лемнос, куда во время последней нашей войны с турками был сослан Абдул-Керим-паша, план которого, заключавшийся в том, чтобы беспрепятственно пропустить русских через Балканы и потом запереть за ними горные проходы, не был своевременно понят в Константинополе, за что престарелый паша и поплатился ссылкой. Прямо пред нами желтеют маленькие Кроличьи острова рифового характера. Они не высоки, плоски и совершенно голы, без малейших признаков растительности; трава если и была, то уже вся теперь выжжена солнцем, и не видать на их желтой поверхности ни единого человеческого жилья. Единственными обитателями этих островков являются кролики, и, говорят, их тут великое множество. Они умеют где-то находить для себя подпочвенную воду, которой человеку до сих пор не удалось еще отыскать в этом кроличьем царстве.

¹⁴ Ксеркс I – царь персидский, вступил на престол в 486 г. до н. э.

Берега Малой Азии в этих местах тоже голы и довольно унылы. Редко-редко встретится какая-нибудь долинка, покрытая далеко не густою растительностью: все больше низенькая маслина да жиденский кипарис. Деревни там довольно редки и уныло стоят себе на плешинах пригорков, без зелени, без садов, на самом солнцепеке. Таковы Йени-Шехр, Йени-Киой, Палео-Кастро и Безика, знаменитая своей бухтой, из которой во время последней войны английские броненосцы так пугали наших податливых дипломатов.

На протяжении береговой полосы встречаются два-три насыпные кургана, происхождение коих, вероятно, относится к отдаленным эпохам древности.

Проходим мимо острова Тенедоса, северную оконечность которого составляетпологоконическая гора Святого Илии, где не заметно ни малейших признаков растительности. Между Тенедосом и отмелью малоазийского мыса Иукиери есть небольшая банка, обходя которую, пароход направляется мимо скалистого островка Гадаро (Ослиный), где есть небольшой маяк и при нем садик, более, впрочем, похожий на скудную заросль бурьяна. Как раз напротив этого места лежит город Тенедос, будто бы славящийся своим вином. Проверить этого мы не имели возможности, так как пароход здесь не останавливается, и ни одна торговая лодка не подъехала к нему с острова; но не понимаю, где тут могут быть виноградники.

Вся восточная сторона острова, мимо которой мы проходили, представляет склоны горного кряжа с совершенно голою, выжженной солнцем, поверхностью, и даже в самом городе нигде не видать ни клочка зелени, а она едва ли могла укрыться от глаза, так как город этот всею массой своих, исключительно каменных, зданий расположен по склону горы амфитеатром. Внизу окаймляют его каменные стены крепости с башнями и бойницами, по-видимому, не особенно давней постройки, но по старому образцу. Зной над этим местом, должно быть, ужасный, и его несомненным признаком являлось сильно заметное дрожащее реяние воздуха. Тут же, около города, видно несколько ветряных мельниц с парусными крыльями. Вероятно, виноградники и пашни находятся где-нибудь в лощинах внутри острова и не могут быть видимы с моря. Мраморный мыс на юго-восточной оконечности Тенедоса представляет собою красиво напластованную глыбу бело-розового мрамора, в которую вечно бьет красивый бурун, рассыпаясь алмазной пылью.

На азиатском берегу в это время видна классическая гора Ида. Силуэт ее рисуется в виде зубчатого ряда неровных бугристых вершинок, а поверхность самого корпуса горы изрыта и как бы ноздревата, так по крайней мере кажется с моря. Вообще, бфега Малой Азии представляют до сих пор ряд довольно отлогих возвышенностей, между которыми Киз-даг в 1595 метров является самой высокой. Поверхность этих возвышенностей большею частью камениста, и только изредка заметна на ней скудная кустарниковая растительность, так что издали кажется, будто такие места покрыты кочками. Общий пейзаж не только не роскошен, но даже и не особенно красив. Скудость, вот его главный характер. Но зато цвет воды, чем дальше, тем прелестнее: он переходит теперь в совершенно голубой, кобальтовый.

Вот на малоазиатском берегу выдвигается мыс Баба, сиречь «отец» по-турецки. На его оконечности, Бог весть для чего, существует турецкий форт, никого и ничего не защищающий, кроме разве открытого моря. Несколько севернее этого мыса, в расстоянии 16 1/2 морских миль, лежит деревня Александрия, рядом с турецкою деревушкой Эски-Стамбул. Тут, говорят, видны невдалеке развалины Трои, и в этом же месте турки в прежние времена добывали мрамор для своих построек и для ядер, громивших Константинопольские стены. Вот остров Митилена, древний Лесбос, родина Сафо¹⁵, а рядом с ним – скалистые островки Томари, с приближением к коим становится заметен вдаль, в лиловой дымке, красивый каменистый пик, обращенный в нашу сторону двумя плоскостями, резко разграниченными одною гранью. Это гора Олимп в 3079 метров. Северные и северо-восточные берега Митилены не высоки, но ска-

¹⁵ Сафо, Сапфо – знаменитая древнегреческая поэтесса (VI до н. э.)

листы и служат как бы выходящими из моря подошвами небольших возвышенностей, покрытых довольно жидкими и чахлыми на вид сероватыми кустарниками, растущими на каменистой почве. Только в небольших долинках, кое-где выбегающих из горных ущелий к морю, как например, в долине между мысами Феро и Томари, зелень становится гуще и вдоль по течению ручья виднеется ряд кипарисов. Здесь же, по долинам, заметны проявления культуры: небольшие поля и плантации весьма тщательно разбиты на участки, в клетку, и разгорожены стенками. Должно быть, большинство сельского населения Митилены ютится где-нибудь внутри острова, по лощинам и падям между горами, потому что на береговой линии не заметно ни единого домика, кроме двух ничтожных, совсем бедных деревушек Моливо и Белгхеса. Последняя расположена на совершенно гладкой каменной площадке, составляющей террасовидный уступ горы, а на азиатском берегу, напротив ее, белеет маленький портовый городок Айвали. И Белгхеса, и Айвали стоят как раз на солнцепеке; ни здесь, ни там не растет ни одного деревца, ни кустика, ни травки. Первая сереет, точно группа ласточкиных гнезд, вылепленных из клейкой грязи, а другой сверкает на солнце, словно весь выточенный из мела.

На небольшом полуострове выдвигается вперед к морю древняя каменная крепость, а позади нее, по обеим сторонам берега, примыкающего к полуострову, раскинулся городок Митилена. Между его каменными строениями, окрашенными в голубой, кофейный, розовый и преимущественно белый цвет, видна кое-где зелень невысокая, довольно скудная, но все же зелень. К югу от города его ближайшие прибрежные окрестности гораздо более оживлены, чем северная часть острова, и носят на себе признаки культурной жизни. Здесь по лощинам уже заметно несколько деревень, похожих с виду на маленькие городки, где разведена кое-какая зелень, видны небольшие садики. Но что странно, так это почти полное отсутствие местного каботажа, и даже рыбацьи лодки под берегами попадают очень редко.

В шестом часу дня стали открываться перед нами южные берега Митилены, между мысами Святой Марии и Иеро, откуда начинается вход в великолепный порт Иеро, совершенно закрытый. В южной части этого острова берега и возвышенности вообще значительно выше, чем в северной. В вечернем воздухе, слегка подернутые мягким лиловым туманом, виднеются справа контуры острова Хиоса, а слева выступают очертания полуострова Кара-бурну, славящегося своими винными ягодами, инжиром и изюмом, который в торговле считается самым лучшим. От Кара-бурну начинается вход в Смирнский залив, куда мы втянемся уже ночью.

Палуба нашего парохода представляет довольно интересное зрелище. Теперь все ее пассажиры, принятые на борт в Константинополе, уже успели разместиться, «умяться», приладиться и вполне освоились со временным своим жильем на палубе. Вся срединная и носовая части палубы покрыты этими пассажирами, которые хотя и разбились на более тесные группы по национальностям, но все же относятся одни к другим довольно общительно и дружелюбно. Все они, соседства ради, по необходимости трутся между собою бок о бок и, не понимая языка, все же оказывают иногда друг другу взаимные маленькие услуги, угощают одни других, и в особенности детей, бубликами, чайком, арбузами, дынями, папироской, словом, как говорится, живут хотя и в тесноте, но не в обиде. Большинство из них паломники, направляющиеся ко Святым местам: одни на поклонение Гробу Господню, другие – Каабе¹⁶, третьи – обетованной земле Израиля. Тут были греки, итальянцы, армяне, болгары, сербы, румыны, евреи, турки, но большинство состояло из наших русских странников и странниц и вообще русско-подданных, между которыми были и жида из Западного края, и нахичеванские армяне, и кавказские горцы, и казанские татары, и несколько сартов из Ташкента и других мест Средней Азии, и все эти «восточные народы», сверх моего ожидания, относились к своим «поработителям» русским очень дружелюбно, на что «поработители», конечно, отвечали взаимностью. Тут же

¹⁶ Кааба – священный камень, найденный Мохаммедом, святилище г. Мекки.

следовала в Смирну целая партия турецких солдат, отбывших сроки своей службы и теперь возвращающихся на родину. Между ними нашлось несколько человек, бывших в плену в России. Двое из них научились кое-как говорить по-русски и не без удовольствия сами объявили мне о своем временном пребывании в России. Хвалят Россию. «Хорошо у вас!» – говорят. – «Десять месяцев ели, пили и хорошо жили за здоровье императора Александра! И сапоги он нам давал, хорошие сапоги! И жалованье давал полтора рубля в месяц на человека, и народ у вас хороший, не обижал нас! Только и есть два хорошие народа на свете, урус и осман-лы».

Каждый мусульманин-паломник еще дома, пред отшествием в благочестивое странствование, запасается белой одеждой и тремя камнями. И то, и другое он хранит у себя в котомке, пока не достигнет в Аравии приморской местности около Джедды, известной под именем Ушка-калеси; здесь он весь облекается в белое и бросает в море свои три камня в память о том, что и пророк некогда сделал то же на этом самом месте. Наши туркестанские мусульмане более всех прочих выказывают свое благочестие. Они очень исправно совершают, по положению, все пять намазов и всегда первые начинают молитву, а все остальные уже пристраиваются к ним, тесно сядя на корточки, и молятся все вместе, следуя движениям и жестам муллы, который садится впереди прочих. В остальное же время туркестанцы либо попивают чаек точно так же, как и русские, либо внимательно слушают чтение Корана, причем читает громко и нараспев постоянно один и тот же ражий, чернобородый мужчина в парчевой тюбетейке.

Из русских тоже кое-кто читает либо Псалтырь, либо Евангелие, всегда находя кружок слушателей; но больше, как я замечаю, наши любят слушать рассказы бывалых странников. Есть между ними слепой, который один, без поводыря, дотащился из Пермской губернии до Одессы и точно так же вернется на родину, коли Бог сподобит, поклонившись Гробу Господню; есть старый севастопольский солдат, которому «маленько ногу поправили» на Камчатском редуте; есть богатая купеческая вдова, которая совершает свое странствие «по обещанию», за покойного мужа, и намерена от Яффы до Иерусалима идти пешком и вообще исходить по возможности всю Святую землю по образу пешего хождения; есть наконец какая-то старушка из Якутской области, которая пешком отмахала свою путину через всю Сибирь и Россию. Замечательные типы: сколько энергии, возвышающейся до подвижничества, и в то же время что за любовь к скитанию по белому свету! В этом есть что-то поэтическое.

В Константинополе и именно в Галате, неподалеку от Агентства Русского Общества Пароходства и Торговли, находится каменный четырехэтажный дом, купленный на средства русской Афонской братии и специально приспособленный ко временному помещению наших паломников, где, кроме крова, они находят еще и способы к удовлетворению, по возможности, своих дорожных нужд и потребностей. Это «Русское Афонское подворье». Как только приходит в Золотой Рог какой-либо пароход, преимущественно, конечно, русский, на его палубе тотчас же появляются два-три монаха из подворья, справляться, нет ли русских странников и, буде есть, предлагают желающим остановиться и отдохнуть с дороги у них на подворье. Здесь останавливаются в особенности богомольцы, отправляющиеся на Афон, так как им приходится иногда ожидать парохода. Монахи подворские принимают и кормят странников, не требуя с них за это никакой платы, а довольствуются тем, что кто даст по доброй воле «Богу на масло» или «на поминовение». Монахи же служат странникам и в качестве путеводителей по городу; при их помощи нуждающиеся могут по сходной цене закупить все необходимое в дороге, и они же устраивают на льготных условиях дальнейшую отправку богомольцев ко Святым местам или в Россию. На английских судах, например, верхняя палуба предоставляется исключительно в пользование самих капитанов, вследствие чего они и берут без таксы, но вообще очень дешево, за провоз палубных пассажиров. Так, до Афона и даже до Яффы можно иногда доехать за два серебряных рубля, а то и за один рубль; на пароходе же «Русского Общества» от Яффы до Одессы за пять кредитных рублей. Вообще должно заметить, что для паломников теперь значительно облегчены способы передвижения. От Одессы до Яффы и обратно с заходом в

Александрию весь путь стоит 24 рубля, а в одну сторону 12 рублей, на собственной, впрочем, пище. Но это последнее обстоятельство облегчается тем, что, начиная от Константинополя, на палубе всегда помещается особая будка-буфет, специально для палубных пассажиров. У нас, например, она на своем фронтоне носит громкое название «Кафе Великая Россия». Содержатель такой будки, покупающий себе право палубной торговли в агентстве Общества, всегда умеет говорить по-русски и по-турецки, так что его драгоманскими услугами нередко пользуется и пароходное начальство. На «Цесаревиче» таким буфетчиком-толмачем состоит какой-то черногорец, который во время последней войны был маркитантом, комиссионером и переводчиком при Ярославском пехотном полку. У него в будке всегда находится ром, ракия, мастика, водка, кофе, чай, хлеб и сахар. Для варки кофе в будке устроена даже особая переносная печка из желтой листовой меди. Цены вообще умеренные, ибо только под этим условием Общество разрешает маркитантам палубную торговлю. Средней величины стакан рому или водки, например, стоит 5 копеек на наши деньги; чашка кофе 2 копейки. Но как турки, так и наши паломники обращаются к маркитанту довольно редко: они в разных мешочках везут свои собственные неприхотливые запасы: хлеб, зеленые бобы, огурцы, лук, чеснок и фрукты, а наши и туркестанцы, сверх того, еще и собственным чайком запасаются. Таким образом, содержатель будки от Константинополя до выхода из Смирны наторговал всего лишь на 12 франков.

С нами едет возвращающийся из Константинополя в Каир египетский принц Ахмед-бей со свитой, состоящею отчасти из европейцев, отчасти из арабов. Принц этот все время сидит в своей душевной каюте, ни на минуту не показывается на палубе, обедает отдельно от свиты, в одиночестве, и вообще, как сказывает пароходная прислуга, «держит себя гордо, настоящим принцем».

В первом часу ночи «Цесаревич» пришел на Смирнский рейд и стал до утра на якорь, чтобы с рассветом войти в порт.

СМИРНА И СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

Санджак-калесси. – Общий вид Смирнского залива. – Смирна. – Европейская часть и туземные кварталы. – Портювая часть. – Смирнские сибариты. – Таверны. – Греческий характер города. – Женщины. – Климат Смирны. – Дачи в Бурнабате. – Предметы смирнской торговли и промышленности. – Проводник Мустафа. – Собор святой Фотиды и церковь святого Георгия, их архитектура и достопримечательности. – О русских консулах на Востоке. – Смирнский базар. – Турецкие женщины и их местный костюм. – Мухи, саранча и клещи. – Склады смирнских ковров. – Несколько воспоминаний о грекорусофиле Ангелопуло. – Остров Патмос. – Выход из греческого архипелага. – Способность турок к лежанью. – Свита египетского принца и ее забавы. – Небо и вода Средиземного моря.

10-го июля.

У входа на Смирнский рейд с правой стороны белеют маяк и каменный форт старинной турецкой постройки. Это, в сущности, не форт, а просто круглая стенка вроде широкой приземистой башни с зубцами, но без валганга¹⁷ и внутренних казематов; по ее нижнему краю прорезано несколько просторных амбразур, откуда виднеются жерла и неуклюжие лафеты старых чугунных пушек, а снаружи при амбразурах сложены пирамиды из ядер, выкрашенных для чего-то белой краской. Форт называется Санджак-калесси, и это название долгое время служило для европейцев поводом к довольно забавному недоразумению. У турок санджаком обыкновенно называется административный округ, соответствующий нашему уезду; французы же первые на своих мореходных картах сделали из Санджак-калесси Fort de Saint Jacques, и с их легкой руки ту же ошибку повторяли у себя англичане, и голландцы, и немцы, и другие, а в том числе, разумеется, и мы: на наших картах прежнего времени он называется «фортом святого Иакова».

Этот курьез сообщил мне С. С. Лесовский.

Цвет воды в заливе изжелта-светло-зеленый, и самая вода мутновата, со значительной примесью ила. С правой, то есть южной стороны залива, склоны гор, обращенные к северу, покрыты зеленью, словно мелко-курчавой мерлушкой, тогда как левые возвышенности, глядящие прямо на юг, сплошь обнажены и утомляют глаз своей безжизненной буро-желтой массой. Прибрежные низменности с обеих сторон залива покрыты кустарниками, среди которых торчат несколько островерхих кипарисов и кое-где виднеются домики, в особенности слева.

Смирна расположена в глубине залива, и каменная портовая стенка, глаголем выведенная в море, как бы делит город на две части: рейдовую, или европейскую, и портовую, или туземную. Рейдовая часть, если смотреть на город с моря, придется в левой руке; она более расположена на ровной плоскости, и ее прекрасная каменная набережная выходит прямо на рейд вне порта, представляя ряд красивых двухэтажных каменных домов приятной архитектуры, с зелеными жалюзи и веселыми цветочными палисадниками, где растут розы, лавры, кактусы, алоэ и магнолии. Это все жилища богатой левантйской буржуазии, и здесь же находятся несколько лучших городских гостиниц; «Египет», «Святой Августин», и «Вилла» и несколько банковских контор. В европейском квартале, кроме богатых греков из королевства и левантйской буржуазии, живут еще английские (преимущественно), французские, голландские и итальянские купцы и коммерческие агенты со своими семействами и европейской прислугой. Их личность и собственность поставлены вне турецкой юрисдикции: в гражданских, коммерческих и даже уголовных процессах они не признают над собой иного суда кроме своего консульского. Здесь в прекрасном казино, построенном по общественной подписке обитателей европейского

¹⁷ Валганг – верхняя часть крепостного вала, прикрытого сверху бруствером.

квартала, можно найти все главнейшие европейские журналы и газеты, а на театральной сцене этого клуба даются итальянские оперные представления. Здесь же издается на французском языке и своя особая газета «Impartial de Smyrne»¹⁸.

Портовая же часть города более скучена и потому менее чистоплотна. Представляя собою лабиринт узких и нередко крытых циновками, а потому темных переулков, она амфитеатром всползает своими старинными домами от берега до половины Цитадельной горы. Здесь на первом плане красуется белый собор святой Фотиды с высокой красивой колокольной, а рядом с ним церковь святого Георгия. Несколько в стороне, правее этих православных храмов, стоит приземистое здание главной городской мечети с белым минаретом. Всех вообще минаретов я насчитал в Смирне только десять. Тут же помещается городской базар, турецкая таможня, казармы и турецкий квартал, расположенный на задах портовой части, рядом с кипарисной рощей мусульманского кладбища. Общий вид города венчается красивыми развалинами старой генуэзской цитадели, темно-бурые стены и башни которой занимают вершину горы, называемой Городской или Цитадельной.

Горы, окружающие залив и задние планы города, каменисты и пустынны; кочковатая чахлая растительность лишь изредка виднеется отдельными щепотками на их буро-желтых склонах, раскаленных лучами беспощадного солнца.

В самом городе кое-где видны группы деревьев, между коими преобладают кипарисы. Набережная освещена газом и превосходно вымощена широкими каменными плитами, сделанными по заказу в Австрии, и берег под стенкою этой набережной так глубок, что самые большие пароходы, даже военные корабли, свободно швартуются на кольцах прямо у ее борта. Вдоль по всей набережной ходит конка, причем нередко лошади заменяются паровозом, в особенности когда надо с одного конца города на другой перетянуть целый поезд товарных вагонов. Все это устроено здесь лишь в недавнее время. Главный предмет смирнской торговли составляют сушеные фрукты, и торговля этим продуктом, как говорят, достигает громадных размеров. Набережная в портовой части города заставлена множеством товарных ящиков, бочек, мешков, из которых одни сгружаются с судов, другие грузятся на пароходы. Здесь идет суетливое рабочее движение, трещат лебедки, и чаще всего между носильщиками слышится турецкий оклик «бана-бак!», соответствующий нашему «слышь ты», «смотри!», «берегись!» Тут помещается целый ряд деревянных балаганчиков, из коих каждый либо кабачок, либо кофейня, где с раннего утра смирнисты уже делают свой кейф. Мы ошвартовались у набережной в шесть часов утра и сошли на берег в половине восьмого, а эти сибариты в фесках, котелках и сметках уже сидели на плетеных стульях пред кофейнями, заняв все места на теневой стороне. Глазея на прохожих, они покуривают кальян, либо сами крутят себе папироски и попивают крепчайший турецкий кофе, всегда сопровождаемый стаканом холодной воды; другие же в это самое время с увлечением предаются игре на деньги в трик-трак, домино и кости. Кое-где около этих таверн посажены, с претензией на садики, тщедушные деревца, клены и каштаны, наполовину уже сожженные солнцем. Кое-где по стенам домов вьются различные вьюнки, плющ и в особенности виноград, взбегающий вверх на перекинутые через улицы жердины и решетки. Турок встречается на улицах очень мало; изредка разве пройдет какой-нибудь аскер в синей форменной куртке с красными басонами, или водонос со своим осликом, навьюченном двумя боченками, и если бы не красный турецкий флаг над портовой таможней да не два-три полицейские стража по разным углам, то можно было бы скорее подумать, что это – город исключительно греческий, находящийся в греческом же обладании, столь много здесь всевозможных Попандопулов. Хорошенькие женщины с живыми цветами в черных волосах и в европейских легких костюмах попадаются довольно часто, а по вечерам вся набережная просто кишит ими, и говорят, будто они очень благосклонны к иностранцам.

¹⁸ «Объектив Смирны».

Летом здесь убийственно жарко; говорят, что в июле бывают дни, когда в комнате с закрытыми ставнями термометр Фаренгейта показывает 70 градусов и более; но дневной жар обыкновенно умеряется так называемым здесь инбатом, приятной западной бризой, которая дует с полудня до заката солнца. Но когда случайно подует с берега, из глубины малоазийского материка сильно горячий восточный ветер, жизнь во Смирне становится невыносимой. Эти восточные ветры просто жгут страну, и те молодые клены и каштаны, что стоят, как мы видели с иссушенными и как бы обгорелыми листьями, сожжены именно этими ветрами. Как раз в тот день, что мы были в Смирне, нам отчасти пришлось испытать, что это такое. В этих случаях зажиточные смирниты обыкновенно спасаются по железной дороге в Бурнабат, хорошенькую подгорную деревеньку на берегу моря и невдалеке от города, пользующуюся в этом отношении счастливым закрытым положением. Здесь большинство смирнитов имеет собственные дачи с садами; но и те, кто их не имеет, все равно спешат в Бурнабат переждать в чьем-нибудь сельском саду или в тени около кофеен и таверн те часы, пока дует этот проклятый ветер. В дождливое же время года нередко случается, что дождь не переставая льет по пятидесяти суток сряду, сопровождаясь частыми и сильными грозами, которые нередко повреждают суда, стоящие на якоре.

Смирна, главный город вилаета¹⁹, имеет 130 000 жителей, из коих 10 000 испанских евреев. Главный предмет туземного вывоза, как уже сказано, сушеные фрукты: винные ягоды, изюм, урюк, рожки и груши; но кроме того, город славится еще своими ковровыми фабриками, где выделяются бархатисто-мягкие ковры замечательной величины и разнообразного красивого рисунка в восточном вкусе.

Как только мы ошвартовались, первым делом, конечно, явилось у меня желание ознакомиться, насколько возможно, с городом. Недостатка в проводниках не было, так как несколько из них, в образе комиссионеров разных отелей и просто гидов, сейчас же появились с предложением своих услуг на нашей палубе. Некоторые из них кое-как объяснялись по-русски. Я выбрал себе между ними чалмоносного турка Мустафу, который очень уж убедительно и умильно просил дать ему заработать хоть что-нибудь, а то грек, мол, всю работу перебивает. Сам он прикочевал сюда из Яффы, а его баба (отец) переселился в Яффу из России; поэтому Мустафа кое-как объясняется по-русски и даже настолько сносно, что его можно достаточно понять, в особенности при помощи его восточной мимики и жестикуляции. С ним я и отправился. По пути Мустафа рассказал мне, что он был женат уже четыре раза, но каждая жена его бросала.

– Как же так? – спрашиваю его. – Ведь у вас, мусульман, на этот счет строго?

– О, гаспадын, нэт строго! Был строго... Да, был очень строго... Ну, тепэр нэт строго. Тепэр жена как апельсин: сичас на одна рука – у одын муж, сичас перекидай на другая рука – на другой муж. А одын муж одын лео, у другой муж два лео: жена сичас, как апельсин, перекидай на другой муж... как апельсин!.. Тепэр нэт строг, саусэм нэт!..

– Ну, это, однако, нехорошо у вас стало.

– О, так, так!.. Нэт кгарашо! Саусэм нэт кгарашо, гаспадын... Што дэлай!

Пока было еще не жарко, я в сопровождении Мустафы обошел несколько улиц европейского квартала и туземного города, а затем направился в собор Святой Фотиды. Здесь от ктитора²⁰, понимавшего по-французски, я узнал, что в Смирне находится до сорока православных греческих церквей и что святая Фотида построена 320 лет тому назад, в 1560 году. На ее высокой колокольне помещается одиннадцать колоколов, большею частью пожертвованных из России. В ночь на Светлый праздник эта колокольня обыкновенно снизу доверху иллюминруется разноцветными шкаликами, и с высоты ее, вместе со звоном колоколов, пускаются

¹⁹ Вилает, вилайет – административная единица в Турции, соответствовала губернии в России.

²⁰ Ктитор – здесь церковный староста.

тогда ракеты, жгутся бенгальские огни, гремят пистолетные и ружейные выстрелы и раздаются звуки музыки нарочно нанимаемого военного оркестра, который, в силу обычая, играет на колокольне и в некоторые другие большие праздники, а также и в день святой Фотиды. Серебряная дарохранительница и большая чаша с потиром тоже были присланы для этого собора из России. Из греческих же пожертвований обращает на себя внимание пара стоящих пред местными образами громадных медных шандалов, каждый о трех подсвечниках, куда вставлены громадные восковые свечи. В алтаре показали мне древнюю икону, которая называется «Пресвятая Богородица во славе», или иначе «Коронование Пречистой Девы». Икона писана на деревянной доске, вершков около десяти длиной и вершков семь в ширину. Письмо на олифе по золотому фону, в так называемом Строгановском стиле. Ктитор не без гордости объяснил мне при этом, что англичане предлагают за эту икону десять фунтов стерлингов, желая приобрести ее для какого-то музея, но греки не отдают.

– Почему же? Находят, что это мало? – спросил я.

– О, да, конечно, мало! Такая древняя вещь... сами видите... Но и кроме того, – спохватился он, – греки не желают торговать своей святыней.

Иконостас в два яруса пройден великолепной резной работой. В верхнем ярусе помещен ряд изображений разных святых во весь рост, а над царскими вратами устроено нечто вроде восточного шахнишина, то есть балкона-фонарика, закрытого мелкоузорчатой решеткой. К собору примыкают несколько каменных зданий, где помещаются настоятель, клир, приходская школа и небольшая библиотека, а в одном из задних дворов этих зданий показали нам склад прекрасных образцов древней скульптуры, добытых путем раскопок и привезенных пока из Ефеса для приходской школы, но содержатся эти образцы крайне неряшливо, небрежно и помещены в омерзительном хранилище, рядом с ретирадными местами. Надо впрочем думать, что это только временно.

Отсюда перешли мы к соседней церкви святого Георгия, построенной в 1858 году. Тут прежде всего останавливает на себе внимание прекрасный, оригинальный иконостас, весь из белого мрамора. Местные образа очень хорошей живописи, писаны на мраморных же досках. Это работа художника Палеолога. Верх иконостаса увенчан мраморным Распятием. Под Распятием три фигуры: в середине Моисей, а по бокам его Илия и Аарон; под ними «всевидящее око» и по сторонам его высечены рельефом две буквы А и О (альфа и омега). Внутренность храма вся белая, под мрамор, пол мозаичный, в шашку, из белого и сероватого мрамора, колонны и решетки хоров тоже белые, мраморные, так, что в общем все это производит впечатление чего-то легкого, светлого, отрадного. Впереди, у правой колонны, устроено возвышенное метрополичье место под балдахином, а против него, у колонны левой – особо отгороженное на возвышении место русского консула.

В закрытом дворе Георгиевской церкви, прямо против ее главного входа, растут два громадных развесистых клена, стволы и главные ветви которых сплошь выкрашены белилами. Нам объясняют, что без этой предосторожности клены здесь нередко иссушаются и как бы сгорают от убийственно жгучего солнца. Под сенью этих двух кленов красуется памятник, изваянный из белого мрамора и служащий пьедесталом для грудного беломраморного бюста очень тонкой работы, который изображает пожилого грека с усами, в феске. Здесь похоронен создатель этого храма. Отсюда я хотел бы отправиться в третью церковь, святого Иоанна Предтечи, с пределами во имя Николая Угодника и Александра Невского, построенную во второй половине пятидесятых годов местным купцом Ангелопуло, замечательным руссофилом; но так как церковь эта находится довольно далеко, на окраине города, куда по такой жаре пешком не доберешься, то я порешил вернуться пока на наш пароход, позавтракать там, а потом уже нанять себе ослика и ехать. Но этому намерению не суждено было сбыться, так как после завтрака мы отправились целой компанией осматривать городской базар, в сопровождении русского консула, который нарочно для этого приехал на наше судно. Наш русский консул в Смирне

– прелюбезный и очень обязательный человек, но в нем есть один недостаток, свойственный, впрочем, многим так называемым «русским» дипломатическим агентам на Востоке: он не только не говорит, но даже не понимает по-русски. При всех достоинствах таких консулов, позволительно, однако, усомниться в их полезности. И в самом деле, для кого и для чего они здесь существуют? Ни один русский шкипер, или русский торговый приказчик, а равно и ни один странник-богомолец, занесенный судьбой в какую-нибудь Смирну, не может обратиться к помощи подобного консула даже и в случае самой настоятельной надобности, если не владеет французским, греческим или турецким языком, для словесного изъяснения своего дела. В этих случаях обыкновенно надо отыскивать переводчика, а так как многие консулы еще требуют, чтоб изъяснение жалобы, просьбы или дела было непременно подано им на бумаге, канцелярским порядком, то, кроме переводчика, надо еще отыскать человека, хорошо владеющего французским или греческим языком, который сумел бы со слов изложить дело письменно. Представьте же, какая это сложная, затруднительная и дорогостоящая процедура, и каким это способом будет какой-нибудь Пахом Феропонтов, пришедший из Весьегонского уезда, отыскивать себе переводчика, если даже в составе лиц, служащих в консульстве, нет ни одного человека, понимающего по-русски? А что такие «русские» консульства есть, то это факт, хорошо известный множеству лиц, бывавших на Востоке. Существуют эти конторы только «для представительности», да разве еще для тех «русско-подданных» местного происхождения, преимущественно из греков, армян и евреев, которые России и в глаза никогда не видали, а приняли русское подданство только ради того, чтобы, при помощи этого гешефта, ускользнуть раз навсегда из-под турецкой юрисдикции и тем с наибольшим удобством развязать себе руки для разных темных проделок. Такие «русско-подданные» в громадном большинстве своем составляют то, что называется нравственной сволочью. У каждой значительной европейской державы есть на Востоке свои подданные этого рода, и они обыкновенно составляют величайшую обузу каждого консульства, так как из-за них постоянно приходится сталкиваться и пререкаться с местными властями. Но, по чести говоря, такие «подданные», прежде всего, не заслуживают, чтоб их числить в своем подданстве, а во-вторых, все они, сколько их ни есть, по своей бесполезности для государства, не стоят того, чтобы казна из-за них тратилась на содержание консульских учреждений. Если эти последние нужны ради нужд действительно русских подданных, в чем, конечно, не может быть сомнения, то желательно бы было видеть на консульских местах людей, хотя бы понимающих по-русски. Небось, англичане нигде не посадят на такой пост человека, не знающего по-английски, да и никто, кроме нас, этого не делает.

День был убийственно жарок, благодаря знойному северо-восточному ветру, порывами задувавшему с раскаленных вершин полуострова Кара-бурну. Ветер этот был совсем горячий, размаевающий человека; он не облегчал, а еще более затруднял дыхание. Это совершенно то же ощущение, как перед раскрытой кафельной печью. Стоять даже на одном месте было трудно, в особенности на набережной, так как сильно раскаленные плиты жгли подошву, а к камню или дереву невозможно было и прикоснуться без того, чтобы тотчас же не отдернуть руку: до того они были горячи. Тем не менее, охота пуще неволи, и мы отправились под защитой белых зонтиков на смирнский базар. Это целый лабиринт узких полутемных закоулков, крытых сверху досками, коврами, полотном и циновками, но тут все-таки есть тень и потому хоть кое-какая прохлада. Чуть вступили вы под эти навесы, как уже сразу вас сшибают разнообразные сильные запахи оливкового масла, вяленой и соленой рыбы, корицы, розовой воды, жареного бараньего сала, табаку, мускуса и еще каких-то бальзамических сушеных трав и пряностей. При духоте воздуха, почти неподвижного в крытых закоулках, все это составляло букет, далеко непривлекательный. Между базарным купечеством преобладающим элементов являются все те же греки, держащие в своих руках как отпускную крупную, так и мелочную торговлю, а затем идут евреи, армяне, персы и, наконец, турки, составляющие, по-видимому, самый ничтожный процент между здешними торгашами. Что до товаров, то это по преимуществу сброд европей-

ской всякой всячины и при том далеко не первостепенного качества, «в Азии-де сойдет все, что ни дай, за хорошее!» Но есть и чисто восточные лавки с товарами, уже знакомыми нам по стамбульскому Безестену. Тут вы найдете плотные шелковые и полушелковые материи ярких и пестрых рисунков, тафты и канаусы, индийские и русские парчи, кисейные платки и чалмы, тканые золотую нитью и расшитые шелками, кашмирские шали, как настоящие, так и поддельные, французской фабрикации, салфетки и подушки, мозаично составленные из вырезок разноцветных сукон и покрытые красивыми вышивными узорами, мужские халаты и женские бешметы, безрукавные курточки-арнаутки и фередже (род бурнусов или плащей), турецкий табак, жасминные чубуки, трубки из красной глины и стеклянные кальяны, но последние почти исключительно австрийского производства, якобы в восточном вкусе, затем инкрустированные низенькие столики (софра) и складные пюпитры (рахиль); но старого азиатского оружия и медно-чеканной утвари нигде мы здесь не встретили. Есть лавки войлочных красных фесок, мужской и женской обуви, конских, ослиных и верблюжьих уборов, есть медно-издельные, гончарные, посудные, железные, москательные, фруктовые с сушеными и свежими плодами: с дынями-первоспелками, земляникой-викторией, абрикосами и черешнями; есть зеленные с великолепными овощами, между которыми красуются громадные турецкие огурцы, молодая кукуруза, лиловые кабачки и желто-пунцовые баклажаны. Вперемежку с этим на каждом шагу попадаются простонародные цирюльни, кофейни, кондитерские, пекарни и съестные, где все снеси тут же, на виду, и варятся, и жарятся, и пекутся. Но обычной базарной толкотни здесь мы не встретили; народу вообще было мало, быть может, по причине знойного ветра. Однако же, несколько турецких женщин тихо бродили около кондитерских и суровских лавок, прицениваясь к рахат-лукуму и английским ситцам. Костюм их по красоте далеко уступает константинопольскому, хотя, в сущности, и тот нельзя назвать красивым. Турчанки-смирнистки, вместо прозрачного кокетливого ясака, прикрывают лицо грубой черной сеткой из конского волоса, которая торчит на них неуклюжим козырем, спускаясь до подбородка, а вместо фередже кутаются они в белые покрывала, вроде простыни, накидывая их на голову. Впрочем, встречаются и полосатые покрывала каких-нибудь скромных светлых колеров, исподнее же платье почти исключительно черное. Воображаю, каково дышится этим беднягам в такую пору под их черными сетками... Но что составляет здесь истинную казнь египетскую, так это мухи и оводы, от которых нет отбою. Своею назойливостью они в состоянии довести человека не то что до изнеможения, но до иступления от бессильной на них злости и чуть не до нервного припадка. Впрочем, обилие насекомых не ограничивается только этими мучителями: на улицах нам пришлось давить под ногами множество молодой саранчи, нанесенной сюда сегодняшним ветром, а на верблюьем базаре надо было срывать с себя противных клещей, которые заползают под одежду и незаметно пробираются на шею, за уши и под волосы на затылок... Все эти маленькие беды, в соединении с ослепительным солнцем и горячим ветром, в особенности с непривычки, до такой степени отравляют все ваше существование, что жить в Смирне я почел бы для себя за каторгу.

К числу достопримечательностей здешнего базара относятся два большие склада ковров местного производства. Смирнские ковры славятся по всему Востоку, да и в Европе весьма ценятся за свою добротность, пышную, мягкую бархатистость, исполненный вкуса оригинальный подбор колеров и изящество восточного рисунка. Один из этих складов принадлежит хозяину ковровой фабрики, богатому пожилому турку, который, приветливо встретив нас, с обычной турецкой медлительностью и сановитостью приказал подать всем стулья и предложил, в виде угощения, холодной воды, а затем, при помощи своих «молодцов», неторопливо стал развертывать пред нами на полу свои ковровые богатства. Одет он был, несмотря на душливый зной, в какую-то широкую куртку, подбитую и отороченную лисьим мехом, но на жару, по видимому, не жаловался.

Цены на ковры зависят здесь от размеров ковровой ткани и мерюю в этом случае служит пик. Количество пиков измеряется в длину и ширину ткани, и затем вам объявляют, что в ковре столько-то пиков, в цена одного пика в этом сорте стоит от 2 1/2 франков до 4 меджидие (20 франков), а в целом мне уступили громадный коврище превосходной работы за 25 фунтов стерлингов и то только по случаю «мертвого сезона», потому что в это время на такие предметы нет никакого спроса. Люди, сведущие и здесь, и потом в Александрии, поздравляли меня с необыкновенно удачной и дешевой покупкой. «Осенью, – пояснил хозяин, – когда наезжают сюда европейские милорды, я бы никак не уступил этот ковер дешевле сорока фунтов, но... иншаллах! И вещи, как и люди, имеют свою судьбу, свое предопределение... Ваше счастье: берите его за 25 фунтов!»

В половине пятого часа дня «Цесаревич» снял свои швартовы и тронулся в дальнейший путь, чтоб успеть засветло приблизиться к выходу из Смирнского залива.

Так и не удалось побывать мне в церкви Иоанна Предтечи, построенной руссофилом Ангелопуло. О личности этого смирнского купца наши старые и бывалые моряки хранят самые приятные воспоминания. Это был великий и чуть ли не самый восторженный почитатель России и государей Николая Павловича и Александра Николаевича. Он и в церкви своей Никольской предел поставил в память императора Николая, а Александро-Невский «во здравие царя Александра». Ангелопуло сам себя любил называть «русским патриотом» и, рекомендуясь какому-нибудь новому знакомому, всегда добавлял и эту свою характеристику, чтобы ни минуты не оставлять человека в сомнении насчет своих политических симпатий и образа мыслей. Боже избави, бывало, при нем отозваться непочтительно о России, – такой отзыв Ангелопуло принимал, в некотором роде, за личное себе оскорбление. Кто враг России, тот был и враг Ангелопуло. Вот несколько отрывочных воспоминаний об этом «русском патриоте», сообщенных мне В. С. Кудриным, который знал покойного лично:

В войну 1853–1856 годов ему нельзя было, при его отъявленном русском патриотизме, оставаться в Смирне, и он переселился в Сиру, где его меньше знали, чтобы там удобнее вести между греками руссофильскую пропаганду. Замечательна, между прочим, одна из побочных причин этого переселения. Жена его, которую он очень любил, была английская подданная, как уроженка острова Корфу, и симпатизировала англичанам. Жить под одним кровом с английской подданной в то время, как Россия находится в войне с Англией и слышать в своем собственном доме панегирики англичанам, для Ангелопуло было окончательно невозможно. Это означало бы обречь себя на постоянный домашний раздор из-за политических мнений. Англофильские симпатии любимой жены задевали самые чувствительные струны его русского патриотизма, и потому он порешил расстаться с ней на время войны и сделал это без ссоры, без шума, как нечто самое естественное, как будто иначе и быть не могло. Жена с семейством осталась в Смирне, а сам он очутился в Сире. Здесь встретил он какими-то судьбами русского юнкера, взятого где-то в плен англичанами. Так как побег с острова во всяком случае затруднителен, да и какими судьбами возможно было бы бежать какому-то неизвестному, бедному юнкеру, то он и был оставлен в Сире без особенно строгого присмотра и мог свободно гулять когда и где ему вздумается. В это-то время познакомился с ним Ангелопуло, и в голове отважного грека тотчас же создается сумасбродный план, освободить пленника и возвратить России ее воина, потому что все-таки-де одним русским будет в России больше, да и как-де молодому человеку томиться в бездействии, когда там дерутся, когда отчеству нужен каждый его сын, могущий носить оружие... И вот, задумав такое рискованное дело, Ангелопуло в безлунную ночь, один, в убогой рыбацкой лодчонке, на веслах увозит пленника из Сиры в открытое море, а там подымает парус и садится на руль.

– Куда мы? – при помощи французского языка спрашивает его юноша.

– В Грецию, в свободную Грецию, молодой друг мой, а оттуда с Божью помощью в Россию.

– Но как же мы доберемся до Греции?

– Не знаю, как Бог даст... Может встретим греческое судно, может пойдем от острова до острова – не знаю.

С рассветом юноша замечает, что на дне лодки рядом с Ангелопуло лежит какой-то бочонок.

– С чем это? – спрашивает он. – С водой?

– Это? Нет, этот с порохом.

– Зачем же нам столько пороху?

– Затем, чтобы взорваться в случае, если англичане или турки заметят побег и пустятся преследовать. Вот пистолет: выстрел в бочонок – и готово! Это мы сделаем тогда, как сцепимся с ними борт о борт.

От такого объяснения юноша пришел в некоторое замешательство.

– Иначе никак невозможно, – пояснил Ангелопуло: – ведь если поймут, то нас или расстреляют, или тут же повесят на рее. Тактуж лучше самим, да и их заодно утопить вместе с собою! Живыми не дадимся в руки!

Приключения этого побега длились около трех месяцев. В «свободную» Грецию им не удалось попасть сразу и пришлось скитаться с острова на остров, пережидать неудобное время то в пещерах между прибрежными скалами, то в хижинах греческих рыбаков, то скрываться по островным греческим городкам у «своих» надежных людей, у священников, у монахов, потаенно переходить с места на место, причем Ангелопуло неукоснительно вел свою руссофильскую пропаганду между соотечественниками, подготавливая их к общему восстанию против турок, как только отзвук русских побед укажет удобную к тому минуту. И все это время возился он со своим юнкером, кормил, поил его и всячески скрывал и прятал, как от турецких властей, так и от союзных им «каптенов». По свойству своей пропаганды Ангелопуло всегда был «вправе» рассчитывать, что турки каждую минуту могут накрыть его и бросить в тюрьму, а сдаться им живьем он считал для себя величайшим позором. Поэтому под его постелью всегда хранился заветный бочонок с порохом, а в кармане лежал заряженный пистолет. Эта вечная возможность взлететь на воздух в конце концов так истомила юнкера, что он однажды тайком сбежал от своего «спасителя» и с тех пор словно в воду канул, по крайней мере Ангелопуло никогда ничего не слышал о нем более. Выше всего на свете этот чудак ценил храбрость, в ком и в чем бы она не проявлялась, но храбрость русских приводила его в какой-то благоговейный восторг. Севастопольская эпопея и имя севастопольца казались ему чем-то священным. Когда после Восточной войны у него родилась дочь, он вздумал было дать ей мудреное имя, что-то вроде Слава победы или Надежда победы и долго не крестил ее: все поджидал, не подойдет ли какое русское военное судно, чтобы на нем отыскать для нее крестного отца из числа георгиевских кавалеров, и наконец-таки дождался: и георгиевского кавалера нашел, и с ним покумился, и с тех пор создал себе идеал своего будущего зятя. Этот зять непременно должен был быть русским по происхождению, православным по вере, монархистом по убеждениям, сухопутным или моряком, но во всяком случае военным по профессии и непременно георгиевским кавалером, что служило бы для Ангелопуло порукою личной храбрости; при этом добавлялось, что хорошо бы, мол, было, если бы такой человек был еще и ранен на войне с турками, чтоб он, значит, кровью своею запечатлел свою преданность царю и России и свою храбрость. О, такому зятю Ангелопуло отдал бы вместе с дочерью ровно половину своего состояния! Другую половину он оставлял для сына, которого воспитал бы в ангелопуловских принципах и послал бы учиться не в Париж и не в Вену, как делают иные «глупые греки», а в Россию, чтобы научился любить ее как второе свое отечество. В парадной комнате его дома на почетном месте всегда красовался портрет императора Николая, которого он просто боготворил, а образ Александра Невского для своей церкви Ангелопуло выписал из России. При освящении этой церкви он сочинил целую торжественную процессию, в которой участвовало все грече-

ское население Смирны. На это торжество пригласил Ангелопуло местного губернатора и всех консулов, причем злорадствовал в душе тому, что заставил-де французского и английского консулов, вместе с турецким пашой, присутствовать на панихиде по императору Николаю и на молебне за императора Александра: «пускай-де видят и разумеют эти враги, кого чтут истинные греки». Когда в 1859 году великий князь Константин Николаевич посетил Смирну, Ангелопуло устроил его высочеству и русским морякам великолепный прием, декорировал вместе с другими своими единомышленниками весь город коврами, цветами, гирляндами и флагами и задал гостям роскошное угощение. То обстоятельство, что в его доме присутствовал сын «великого Николая», государя, пред которым Ангелопуло заочно привык благоговеть всю свою жизнь, исполнил душу его такого восторга, такого упоительного счастья, которому нет слов и меры. Вскоре после этого, по ходатайству великого князя, Ангелопуло был пожалован орденом святого Станислава 3-й степени. Когда его известили об этом и пригласили в русское консульство за получением знака царской милости, он собрал всех своих родных и друзей и, в сопровождении их, явился в консульство с бархатною расшитую золотом подушкой, благоговейно принял и положил на нее крест, торжественно перенес его через весь город в свою церковь для освящения и торжественно, как величайшую святыню. Когда на смирнский рейд приходило русское военное судно, Ангелопуло всегда одним из первых являлся на его палубе, со своим Станиславом в петлице, немедленно знакомился с командиром и офицерами, звал их к себе на обед и предоставлял им свой дом в полное распоряжение на все время якорной стоянки. Это гостеприимство простиралось также и на матросов: когда, бывало, спустят часть команды на берег, Ангелопуло сейчас же посылает пригласить людей к себе в дом и уж там он их и накормит, и напоит мастикой и смирнским вином на славу. А если между ними да ещетеоргиевский кавалер попадется, тут же Ангелопуло совершенно счастлив: он и целуется с ним, и обнимается, и умиляется, глядя на него, и не только закормит и запоит, но еще и кошелек денег куда-нибудь в карман или за пазуху сунет «русскому герою». Теперь таких типов уже нет на Востоке; теперь все смотрят там либо на Запад и оттуда чают свое спасение в образе разных «конституций» или «социально-демократических республик», либо же, не задаваясь вовсе вопросами этого рода, равнодушно относятся ко всему на свете, мечтают лишь о франках и фунтах, торгашат, скряжничают, надувают, – вообще сколачивают себе деньги и только. Ангелопуло – это был, в своем роде, последний из могикан, и этот «последний» показывает нам, какой престиж был у России, каким могучим обаянием пользовалось русское имя на христианском Востоке.

11-го июля.

В шесть часов утра проходим мимо Патмоса. Великие христианские воспоминания!.. Здесь был заточен святой Иоанн Богослов, здесь написал он Апокалипсис.

Патмос не велик. Отвесные высокие серые скалы угрюмо встают прямо из недр синего моря, так что весь остров представляется гигантской тумбой, в виде одной гранитной глыбы, на вершине которой тесно лепятся и жмутся одна к другой белые постройки маленького городка, а над ними выделяется строгий силуэт древней цитадели; вот и все, чем является Патмос, когда глядишь на него с моря. С восточной стороны его есть бухта, но мы ее не видали, так как проходили мимо западных отвесов острова. На скалах ни малейшей растительности, в городе ни малейших признаков хоть какого-нибудь деревца. Судя по всем этим видимостям, действительно, трудно придумать что-либо более подходящее для места ссылки.

Прошли в этот день между островами греческого архипелага: Никарией, Левитой, Стампалией, Сирины, или Святого Иоанна, оставшимися с правой руки. С левой же стороны последовательно возвышались Самос, Фурни, Патмос, Леро, Калимно, Кос, Низиро, Пискони, Карки и Родос. На половине расстояния между Кандией и Родосом лежит длинный и узкий остров Скарпанто (Змеиный). Мы проходили очень близко мимо его северной оконечности Алимунти. Скарпанто скалист, и горы его как бы наворочены кряжестыми глыбами; говорят, они богаты железной рудой. На восточной стороне острова есть два порта, Аодемс и Пенизи; есть,

кроме того, и кое-какие селения, но на взгляд остров представляется совершенно голой, безжизненной пустыней. Пройдя мимо Скарапанто, «Цесаревич» вышел наконец из области греческого Архипелага на открытый простор Средиземного моря.

12-го июля.

Просто изумительная эта способность пассажиров-турок проводить все свое время лежа на одном и том же месте в полудремотном состоянии. Подымаются они разве за самую крайнюю надобностью: поесть или помолиться и в это время приседают минут на пять на пятки; но чуть окончена еда или молитва, турок немедленно заваливается на боковую. И таким образом они проводят уже пятые сутки. Пока пароход стоял у Смирнской набережной, ни один из них не сошел даже на берег; все так и лежали в дремоте. На русских странников и вообще на европейцев такая бездеятельная жизнь на палубе наводит невольную тоскливость; видно, что человек тяготится своим бездействием, скучает, а турку ничего. Для него, по-видимому, это самое блаженное состояние.

Нынешней ночью наших египтян, что называется, прорвало. Целые пять суток они крепилась и вели себя сдержанно, по-человечески, наконец, не вытерпели – натура, как видно, взяла свое. Держатся они совершенно отдельно от прочих пассажиров; при них состоят двое левантинцев, не то греков, не то итальянцев; один из них отправляет обязанности чубукчи, то есть набивает табаком трубки и помогает их закуривать; другой же состоит в качестве не то комиссионера, не то ами-кошона какого-то, из разряда прихлебателей, которые тщатся выказывать перед посторонними свое великое достоинство. Вся свита египетского принца ест и пьет где-то отдельно от прочих пассажиров, но когда эти господа появляются на верхней палубе, то ведут себя с замечательной бесцеремонностью: сидят при дамах на скамейках с задранными кверху ногами, якобы по-американски, плюют куда ни попало мимо незнакомых им соседей, свистят и громко делают насчет других какие-то замечания и наконец бесцеремонно расстегивают такие принадлежности костюма, каким в европейском обществе ни в коем случае не подобает быть расстегнутыми. Европейцы морщатся, но стараются как бы не замечать всех этих невежеств. Всю нынешнюю ночь провели эти господа на палубе и едва ли ложились спать: у них все время происходила какая-то непонятная возня, сопровождаемая иногда пением, иногда же каким-то диким рычанием, какого в нормальном состоянии ни один человек себе не позволит. Надо думать, что они просто напились втихомолку и затем дали волю своей разнузданности. Утром сегодня сам принц появился, наконец, на палубе и сел рядом со своим ами-кошоном. Грек-чубукчи подал ему трубку и поддержал для раскурки зажженной бумажку. Принц несколько времени курил и тихо разговаривал, по-видимому, совершенно спокойным и серьезным образом, а затем вдруг ни с того, ни с сего хватил за пуховую шляпу своего ами-кошона, сорвал ее с головы и моментально выбросил за борт. Тот, впрочем, не обиделся, а только улыбался не то снисходительно, не то подобострастно, но видно было, что в душе ему ужасно жаль своей новенькой шляпы, которую он так кокетливо-небрежно надвигал себе на брови.

Чем далее, тем прелестнее становится цвет воды Средиземного моря: это чистейший кобальт светлого оттенка. И как хорошо рисуются на нем узоры жемчужно-белой пены, точно дивные кружева ежесекундно меняющие свой прихотливо фантастический рисунок!.. Кто не видал этой воды, тот едва ли даже поверит всей прелести ее густого голубого цвета, и чем глубже пучины моря, тем голубее вода. Небо чистое, безоблачное, залитое солнечным блеском – в сравнении с этой водой кажется белесовато-бесцветным на горизонте и грязновато-дымчатым в воздушной глубине, над головою.

АЛЕКСАНДРИЯ

Первое впечатление африканского берега. – Развалины старого дворца. – Историческая Александрия. – Парадные встречи и приветствия. – Отель Абат. – Гулянье на набережной большого канала. – Александрийский «большой свет» и «полусвет». – Гаремные дамы на пути цивилизации. – Хедив на прогулке. – Способ сбора общественных подаяний у феллахских женщин. – Увеселительные лодки на канале. – Сады и дачи. – Что значит вода в Египте. – Таракан-исполин. – Одна из местных причин офтальмии. – Парадный консульский выезд. – Особенности мусульманской части Александрии. – Рас-эль-тинский дворец и его парадная приемная. – Наш визит к хедиву. – Чем обязан Египет хедиву Исмаил-паше. – Политическое будущее Египта. – Визит к патриарху александрийскому. – Монастырь и церковь святого Саввы. – Благовещенский собор. – Коптская православная церковь и замечательная икона святого Евангелиста Марка. – Католический монастырь и костел святой Екатерины. – Вероисповедные и церковные дела Египта. – Кафе. – Русские и русско-подданные в Египте. – Чувства туземцев к европейцам и положение сих последних в этой стране. – Кто здесь симпатизирует России. – Наша торговля с Египтом. – Нечто о египетском флоте и армии. – Меры против торговли невольниками и фарисейское лицемерие англичан. – Школа «Исмаилие» и состояние народного просвещения в Египте. – Ученые учреждения и журналистика.

13-го июля.

С рассветом вышел я на палубу.

– Доброго утра! – приветствовал меня капитан, который, несмотря на столь раннюю пору, был уже на своем посту, на мостике. – Ступайте сюда, – продолжил он, – к Александрии подходим.

Я поднялся на мостик и с недоумением стал вглядываться вперед. Где же Александрия? Где же берега? На первый взгляд, как будто ровно ничего, кроме моря, не видно. Но вскоре, приглядевшись, различил я впереди на горизонте какие-то одиноко торчавшие развалины высокого каменного здания, какой-то белый фасад с двумя круглыми тонкими башнями по углам, светившийся насквозь рядом своих пустых больших окон, и эти развалины, казалось, будто выдвигаются из недр самого моря: берег был столь низмен и уходил в глубь материка такую ровною плоскостью, что полоска его почти не отделялась на горизонте от черты спокойного моря. То были развалины старого дворца египетских пашей, брошенные на берегу среди безлюдной, мертвой местности, и около них хоть бы один кустик, хоть бы малейший клочок какой-нибудь зелени!.. Оригинальная идея – выстроить роскошный дворец среди безжизненной пустыни: пред ним – пустыня моря, за ним – пустыня солончаков, и обе так плоски и так сливаются между собою, что не различишь, где кончается одна и где начинается другая, да и сам он, обреченный на разрушение, среди всей этой мертвенности стоит каким-то оскалившимся скелетом. Далее к востоку, в левой стороне виднелась в море стройная белая башня Рас-эль-Тинского маяка, окруженная стенами каменного форта. Очень высокая сама по себе, она казалась еще выше вследствие замечательной низменности берега и всей окрестности.

В шесть часов утра «Цесаревич» бросил якорь на западном Александрийском рейде.

Так вот он каков – город Александра Македонского, построенный за 332 года до Рождества Христова! Выдавшаяся в открытое море коса, в форме буквы Т, образует две обширные бухты, которые дают Александрии значение одного из лучших портов Средиземного моря. На этой косе находится магометанская часть города, а европейские кварталы, называемые вообще Новой Александрией, раскинулись на материке в глубине берегов обеих бухт. Сколько великих исторических деятелей и событий – Александр, Птоломей, Клеопатра, Антоний и Цезарь, потом Омар, наконец Наполеон I и сотни других имен, более или менее знаменитых!.. Алексан-

дрия – средоточие торговли, промышленности и наук древнего мира, с ее знаменитым музеем и библиотекой в 900 000 свитков, с ее самостоятельной школой ученых, оказавших столько незабвенных услуг науке и искусству, с ее великим значением для христианства, учение коего здесь возведено было на степень мировой религии¹⁷. С таким великим прошлым, что же такое он, этот город, являет собою в настоящее время?.. Я с нетерпением ожидал минуты, когда ступлю, наконец, на его почву.

Едва мы стали на якорь, как к правому борту пристал придворный 18-весельный катер, драпированный богатыми коврами и парчевым наметом с массивными золотыми кистями; на носу его развевался гюйс, а на корме большой египетский флаг из алой шелковой материи, полоскавшийся в море. Из этого катера поднялся к нам по трапу адъютант хедива²¹, в парадной штаб-офицерской форме, присланный приветствовать принца Ахмет-бея с благополучным приездом. Вышедший из каюты принц в застегнутом партикулярном сюртуке и темно-краповой феске был с большой помпой встречен хедивским посланцем и лицами своей свиты, которые почтительно проводили его с палубы до трапа. Не успел он отъехать, как к тому же борту подошел другой военный катер, но уже безо всяких особенных украшений, и высадил к нам двух чиновников, статского и военного. Первый был церемониймейстер двора хедива Тонино-бей, левантинец, а второй – флаг-офицер египетского адмирала Гассим-паши. Оба явились затем, чтобы передать С. С. Лесовскому приветствия, первый от имени хедива, второй от имени своего начальника. Наш адмирал еще почивал, и поэтому эта последняя депутация была принята А. П. Новосильским. Вскоре после того приехал на русской консульской шлюпке наш александрийский вице-консул, господин Свиларич, и привез нам письма из России (к сожалению, только одному Новосильскому!) и политические новости, помещенные в местной газете «Moniteur Egyptien», где, впрочем, мы не нашли ровно ничего о России, а на словах узнали от вице-консула, что накануне нашего приезда оставили Александрийский рейд и направились в Порт-Саид наши военные суда: клипер «Забияка», крейсер «Африка» и доброволец «Россия».

Не прошло и получаса со времени прибытия нашего на рейд, как «Цесаревич» уже был abordирован множеством всяких лодок и челноков, из которых высадилось к нам множество всякого люда, левантийского и арабского, белого, бронзового и черного, как сапог. Тут были разные комиссионеры, гиды, кельнеры городских отелей, биржевые маклеры, таможенные досмотрщики, хамалы, или носильщики, перевозчики, греческие, коптские и католические монахи с крестиками, образками и браслетами из какой-то темной благовонной массы, английские миссионеры с карманными Библиями в черных переплетах, газетные разносчики и зоркие репортеры, мальчишки, кокетничающие глазами, продавцы скабрёзных фотографических карточек и других подобных же «секретов», продавцы разной дряни вроде курительных мундштуков, портсигаров, тросточек и гречских губок, торговцы янтарем, филигранными вещицами, сердоликовыми печатями и перстнями, бирюзой, жемчугом, кораллами и подозрительными рубинами, торговцы египетскими скарабеями и поддельными древностями, роговыми и черепаховыми изделиями, продавцы хлеба, овощей, ягод, фруктов и сластей; вертелось тут же и несколько зорких подозрительных личностей, специалистов по части чужих карманов и исчезновения дорожных саков; появился наконец даже какой-то оборванный фокусник и змеезаклинатель с кобрами и аспидами в кожаных мешках и деревянных лукошках. Весь этот пронырливый люд назойливо лез и приставал к пассажирам со всех сторон со своими услугами и предложениями, между которыми первую роль постоянно играло предложение познать вас с «женщиной легкого поведения» или с «одной дамой из гарема Хедива». Каждый из них настойчиво мозолил нам глаза своим товаром, убеждая купить у него ту или другую ни на что не нужную дрянь, торговался, переругивался с другими, мешавшими ему продавцами, выпрашивал бакшиш, галдел, сновал, толкал и метался по всей палубе, как угорелый.

²¹ Хедив – с 1867 года официальный титул вице-короля Египта.

Все это на первый раз очень любопытно, но в то же время и очень противно: есть во всем этом нечто жадное, подлое и пакостное, невольно возбуждающее в вас какое-то брезгливое чувство; но это несомненный продукт европейской индустриальной цивилизации, явление обычное во всяком восточном порте, чуть лишь приходит с моря новое пассажирское судно, и избавиться от наплыва наших посетителей нет никакой возможности.

В одиннадцать часов утра съехали мы наконец на берег в двух шлюпках под парусами: в первой сел наш адмирал с супругой и вице-консул, а во второй весь его штаб с ручным багажом, в сопровождении консульского драгомана²²: крупный же багаж направился особо, под охраною консульского каваса²³, ради того, чтобы самим нам избежать таможенной волокиты, задержек и придинок.

Высадились мы пред неуклюжим каменным зданием таможни и едва ступили на землю, как сторожа в ту же минуту арестовали наш ручной багаж для осмотра, да спасибо вице-консул выручил. Досмотрщики возвратили саки, но с наивною откровенностью потребовали за это бакшиш, и когда мы дали им сколько-то мелочи, повидимому, остались довольны. У ворот таможни нас ожидали уже заранее нанятые коляски, но пройти к ним оказалось не так-то легко: между нами и экипажами стояла целая толпа таможенных и портовых хамалов, которые тотчас же кинулись на нас с протянутыми заскорузлыми ладонями, громко галдя и вопия о бакшише. Каждый из них убежденно доказывал, что это именно он выносил наши вещи, он один и никто более, другие-де все врут и верить им не стоит, ему же бакшиш принадлежит по праву. Все мы уже ранее поблагодарили деньгами тех хамалов, которые действительно переносили наши вещи, и потому были вполне убеждены, что ни один из обступивших нас носильщиков не оказал нам ни малейшей услуги. При этом они атаковали нас так решительно, что в каждой другой стране полиция, наверное, сочла бы прямым своим долгом немедленно вмешаться в дело и освободить мирных иностранцев от туземного нахальства; тут же, как, нарочно, ни одного полицейского не было. Чтобы проложить себе путь к коляскам, пришлось, по совету драгомана, бросить в толпу несколько мелочи. Этот маневр удался: хамалы гурьбою бросились ловить и отнимать друг у друга деньги, благодаря чему мы получили возможность сесть в экипажи. Но этим дело не кончилось. Едва лошади тронулись, как гурьба снова кинулась к нам и, цепляясь за крылья, дверцы и рессоры, бежала с воплями о бакшише рядом с колясками. Грозные крики и жесты драгомана, замахивание бичом арабаджи и работа кулаками одного из хамалов, усевшегося зачем-то на козлы, ничто не помогало, пока арабаджи не выехал на более просторное место, где ему представилась возможность погнать лошадей во всю прыть. Только после этого толпа хамалов стала редеть и мало-помалу отстала, найдя, должно быть, не особенно приятным бежать по ужаснейшему солнцепеку.

Еще на пароходе все мы было условились остановиться в «Хотель Европа», но господин Свиларич отсоветовал, предупредив, что там и грязь, и мириады насекомых. Он рекомендовал нам Абатс-хотель, куда мы теперь и направились. Гостиница эта очень удобно расположена в центре города близ Консульской площади и устроена весьма оригинально. С подъездного крыльца, украшенного цветущими растениями в кадках, вступили мы в большие полутемные сени, где после знойной улицы так приятно обдает вас легкой прохладой. Отсюда такой же полутемный коридор ведет в очень изящный внутренний садик с журчащим фонтаном и увитыми зеленью беседками, служащий летнею столовой. Стены его покрыты ползучими растениями, маленькие клумбы и бордюры пестреют душистыми цветами, и подвижной тент, когда нужно, защищает его от солнца. По другую сторону садика находится обширная полусветлая зала, где обедают зимой, а по сторонам коридора расположены домовая контора, европейская гостиная, восточная диванная, читальня и тому подобные комнаты, предоставленные в распо-

²² Драгоман – переводчик.

²³ Кавас – почетный стражник, телохранитель.

ряжение квартирантов для приема своих гостей и послеобеденного кейфа. Но этим и кончается вся изящная или показная сторона заведения. Верхний этаж занят номерами, которые, по своей мизерной обстановке и отсутствию необходимых удобств, очень напоминают наши заурядные гостиницы заурядных губернских городов, и вот в один-то из таких номеров привел меня вместе с Федором Егоровичем Толбузиным сам управляющий, или «господин директор» этого отеля. В комнате две железные кровати, стол, комод и два-три стула. Спрашиваем у «господина директора», сколько такой номер будет стоить в сутки.

– По 12 1/3 франка с постели, – объявляет он решительным, безапелляционным тоном.

Русский человек при этом по-настоящему должен бы сконфузиться в душе за такую наглость, но, безусловно, подчиниться требованию, тем более, что оно выражено столь просвещенным с виду европейцем таким внушительным тоном, который не допускает сомнений ни в его благородстве, ни в том, что «господин директор» делает нам еще как бы честь, уступая помещение в своем отеле. Но мы, вспомнив о курсе русских бумажек и прикинув, что это придется почти по пяти рублей в сутки на брата, предпочитаем заслужить себе во мнении этого европейца репутацию варваров и решаемся поторговаться. Как, мол, так? За одни голые стены с двумя кроватями 25 франков в сутки?! Возможно ли это?

– Совершенно возможно! Впрочем, если кто-либо из вас займет комнату один, то будет платить половину, то есть 12 1/2 франков.

– Это не утешение, – возражаю я ему, – в сущности, для каждого из нас сумма остается все та же.

– О, да, вы совершенно правы, – согласился он с любезною снисходительностью и прибавил, что советует нам занять комнату вдвоем, потому что иначе, если все номера будут заняты и приедет какой-нибудь новый постоялец, то администрация отеля должна будет отвести ему половину этой комнаты, так как в ней две постели.

– Я думаю, – продолжал он, – вам не совсем приятно было бы жить с совершенно незнакомым человеком.

Довод вполне основательный и потому, нечего делать, приходится согласиться.

– Да вы постойте; может быть это вовсе не так дорого, – замечает мне Федор Егорович, – в этой цене он, вероятно, разумеет не только комнату, но и все наше содержание, спросите-ка его лучше.

Но «господин директор» сам предупредил этот вопрос.

– Вам, без сомнения, понадобится прислуга, чтобы чистить сапоги и убирать комнату? – спросил он.

Мы подтверждаем полную основательность сего предположения. Просвещенный европеец отвечает на это благосклонным кивком.

– Кроме того, – продолжает он, – вам, вероятно, было бы удобнее пить утренний чай или кофе у себя в комнате, а также иметь завтрак и обед за табльдотом.

– Разумеется, это было бы самое удобное.

– О, в таком случае вы все это можете иметь за очень сходную цену: все это будет стоить два фунта с персоны.

– Батюшки! Да это ведь почти по двадцати рублей с носа выходит! – развел руками Федор Егорович. – У нас в Твери такому номеру красная цена полтора рубля в сутки. Ведь это, что называется, живодерство!

Мы уже решили было оставить Абатс-хотель и искать себе где-нибудь более дешевое помещение, как вдруг, на наше счастье, вмешался в дело господин Свилярич, только что вышедший в общий коридор от адмирала. Увидев, что мы удаляемся со своими саками, он поинтересовался узнать у нас, в чем дело, и тут же обратился к управляющему совсем иным тоном, как человек, отменно знающий местные цены и которого поэтому не надуешь. В полминуты повернул он дело так, что за ту же самую комнату с постелью, прислужгой, утренним и

вечерним чаем, завтраком из пяти и обедом из шести блюд, «господин директор», все с тем же видом подавляющего благородства, объявил цену по 12 франков в сутки с человека.

– Это нормальная цена всех здешних порядочных гостиниц, – пояснил нам господин Свиларич при нем же; но уличенный европеец нимало от этого не смутился, его апломб и благородный вид остались все те же.

– Как вы это устроили? – спрашиваем мы у вице-консула.

– А очень просто: сказал ему, что заявлю об этом собственникам гостиницы. Это обыкновенная проделка подобных администраторов с новичками: 12 франков он записал бы на приход, а остальное положил бы в свой карман. Они здесь таким образом целые состояния себе наживают.

Итак, цены слажены, можно, значит, располагаться на житье. Хамалы тотчас потащили из сеней наверх наши чемоданы. При этом я просто диву дался, глядя, как худощавенький поджарый арабчик, небольшого роста ловко взвалил себе на плечи мой большой сундук, весивший с кладью 10 1/2 пудов, и с какой легкостью потащил его вверх, на второй этаж. Я крикнул было другому арабу, чтоб он помог моему хамалу, но тот только усмехнулся на это и на ломаном французском языке ответил, что помощи вовсе не требуется, снесет и сам, ему-де нетрудно. Положим, наши так называемые «мужики» в гостиницах таскают и не такие тяжести, но ведь зато же там и народ какой – чуть не Геркулеса! Я поблагодарил хамала за такой верблужий труд одним франком, и мой арабчик принял его даже с изумлением, словно глазам своим не веря; он не рассчитывал получить более одного пиастра.

Первым делом до завтрака спустились мы вниз, чтобы тут же, в гостинице, взять холодную ванну. К этому так соблазнительно приглашало выставленное в коридоре печатное объявление, гласившее, что цена сему наслаждению всего два франка. Но увы! Эпитет «холодной» мог быть применен к ней разве в насмешку: вода оказалась совсем теплой, как из полуостывшего самовара (говорят, что это ее естественная температура летом). Она не только не освежила, но еще более размаяла нас, в особенности при этой ужасной духоте, которая в низеньких и тесных ваннх каморках была такова, что хоть бы русской бане в пору. Затем, едва успели мы закончить свой туалет, раздался звон колокола, призывавший постояльцев к завтраку.

Кормят здесь очень недурно, и завтраки, равно как и обеды, всегда сопровождаются обильным десертом из разных свежих фруктов и ягод. Наша водка или вообще какой-либо другой из крепких напитков, какие мы привыкли у себя дома употреблять перед закуской, становятся при этих убийственных жарах окончательно невозможными, так как с ними рискуешь получить или удар, или воспаление желудка, что случается довольно часто с новоприезжающими англичанами, которые ни под какими географическими широтами не желают ни на йоту изменить свой привычный образ жизни: виски и херес в этих климатах зачастую сводят их в безвременную могилу. При самом легком французском столе здесь употребляется почти исключительно легонькое винцо Кларет, да и его-то пьют большею частью с водой. Но зато истинною роскошью является при этом лед, ежедневно производимый искусственным способом, и надо отдать справедливость хозяевам гостиницы, льду они не жалеют: прислуга то и дело накладывает его в стаканы, чуть лишь заметит, что предшествовавший кусок успел растаять. А таяние происходит очень быстро, и достаточно оставить стакан с растаявшим льдом на какую-нибудь четверть часа, чтобы вода уже значительно потеплела; со льдом же и подкрашенная кларетом она кажется восхитительным, ни с чем не сравнимым напитком и пьется с наслаждением, доходющим чуть не до жадности.

После завтрака я хотел было отправиться в город, чтобы поближе познакомиться с его наружностью и уличною жизнью, но это оказалось делом, превосходящим всякое добровольное рвение. С десяти часов утра и до трех с половиною пополудни в европейских кварталах прекращается всякая внешняя деятельность: улицы и площади совершенно пусты, тенистые бульвары и скверы тоже, банкирские и коммерческие конторы, присутственные места, мага-

зины и лавки все заперты, повсюду наглухо спущены зеленые жалюзи, в ресторанах и кофейнях ни души; весь город отдыхает или, лучше сказать, томится физически, переживая в полном бездействии самое жаркое время дня в полутемных комнатах, приспособленных почти всегда таким образом, чтобы в них постоянно продувал легкий сквозной ветер. Разве уж самая крайняя безотлагательная нужда выгонит в эту пору европейца из дому на улицу, да и то он не пойдет пешком, а постарается сейчас же захватить первого попавшегося арабаджи и заберется к нему в самую глубь фаэтона с поднятым верхом, либо же садится верхом на маленького ослика и рысит на нем, прикрывая себе голову и спину большим белым зонтиком.

Преуморительное зрелище представляют иногда эти ослики, когда на них неумело едут европейцы, причем комичнее всего является самый костюм европейца с засучившимися кверху штанами. Нередко на осликах катаются и мусульманские дамы в своих черных широких фередже, наброшенных на голову, и это выходит гораздо красивее: восточный костюм как-то более гармонирует с этим патриархальным, библейским животным, чем какая-нибудь жакетка английского покроя. Ослики заменяют здесь наших легковых извозчиков, и на известных углах улиц их всегда можно найти по несколько штук в ожидании седока. Погонщиками их служат исключительно арабы, а чаще всего мальчишки от десяти до пятнадцатилетнего возраста. Здешние ослики необыкновенно ретивы и редко когда идут шагом, а больше всего трусят быстрой побегой и иногда пускаются вскачь, и как быстро ни бежал бы ослик, погонщик его никогда не отстанет; он всегда бежит тут же сбоку или сзади и время от времени подбадривает своего кормильца хворостинкой, либо взмахом руки, а то и просто словами. Погонщик положительно разговаривает со своими осликами, и эти последние, по-видимому, отлично понимают их речи: по тому или другому слову, или по крику поворачивают направо, налево, останавливаются, идут шибче или просто движением ушей и хвоста выражают свое удовольствие, когда их ласкают или просто хвалят. В этот день особенно много встретили мы их на набережной большого пресноводного канала, что протекает между озером Мариут и южной окраиной города, куда от пяти до семи часов вечера съезжается на прогулку все европейское и отчасти мусульманское население Александрии. Здесь место предобеденной прогулки и общих встреч местного высшего и полусвета. Кровные английские лошади в шорах, прелестные парные лошадки и мулы, и потешные карлики-пони со стриженными гривами, управляемые кучерами арабами в белоснежных куртках и красных фесках или европейскими джентльменами, одетыми по последней модной картинке, бойко мчат сотни щегольских легких экипажей, ландо, фаэтонов, колясок, тильбюри и шарабанов взад и вперед по шоссе вдоль аллеи, обрамляющей берег канала, здесь выставка парижских нарядов и левантийского тщеславия. Все, у кого есть хоть какой-нибудь орден, являются сюда не иначе, как с его бутоньеркой на сюртуке и даже жакете; а у кого нет, тот затыкает себе в петлицу какой-нибудь алый цветочек, чтоб издали походило на ленточку «Почетного Легиона». Из дам одни только англичанки да временно приезжие туристки из европейских стран одеваются просто, но элегантно: местные же левантинки, видимо, стараются, как говорится, пустить пыль в глаза и поразить не только роскошью своих нарядов и затейливостью фантастических шляп с чудовищно-большими страусовыми перьями, но и блеском своих бриллиантов, что твои замоскворецкие купчихи! Супруги же их, кроме орденских бутоньерок, щеголяют еще массивностью золотых цепочек и целыми коллекциями брелоков и множеством драгоценных перстней, надеваемых даже поверх перчаток. Здешние дамы вообще не дурны собою, есть между ними и красавицы, но все они отличаются чрезмерною склонностью к полноте, которая у многих переходит даже в тучность. Это надо приписать, по всей вероятности, их сидячему образу жизни: при здешнем зное весь их моцион заключается только в прогулке по набережной канала и то не иначе как в экипаже.

Здесь же встретили мы и нескольких мусульманских дам в довольно прозрачных ясмаках, надетых по стамбульской моде, а стамбульский ясмак – это та же европейская вуалетка; разница только в способе ношения: европейки спускают ее сверху вниз, а стамбульские мусуль-

манки поднимают снизу вверх до половины носа, предоставляя всем возможность свободно любоваться их прекрасными глазами. Дамы, встреченные нами на канале, были жены разных либеральных пашей, старающихся перенимать европейские обычаи. С веерами или парасолями в руках, затянутых в парижские перчатки, они совершенно по-европейски сидели, развляясь на эластичных подушках своих венских и парижских колясок, и только шелковые фередже, прикрывая своими широкими складками их платья, сшитые по европейским фасонам, отчасти напоминали еще о Востоке; но об остроносых златошвейных туфельках, например, уже нет и помину: их всецело заменили европейские ботинки и туфли на высоких кривых каблуках. Впрочем, восточный характер сказывался еще в одной особенности: на козлах экипажей этих дам, или «паших», как прозвал их Федор Егорович, рядом с кучером непременно сидел губастый, обрюзгло-ожиревший негр-евнух, но и тот редко уже появляется в своем живописном костюме, променяв его на черный сюртук и крахмальные воротнички европейской сорочки. На набережной канала вообще толклось множество гулящего люда. Кто не имел собственного экипажа, тот старался захватить наемную коляску, а в крайнем случае довольствовался скромным осликом. Англичане, эти типичные долговязые представители альбиона, в своих шотландках, с неизменными пледом и гидом, ради оригинальности даже предпочитают осликов всем другим способам передвижения на здешней прогулке, и что за уморительные фигуры сплошь и рядом встречаются между подобными спортсменами! Но особенно забавен был один толстяк-баварец с непомерным брюхом, из-под которого виднелась только ослиная голова с ушами. Казалось, что на бедного ослика взгромоздилась целая пивная бочка, к которой кто-то ради шутки приставил руки с оттопыренными локтями и болтающиеся ножки. Тут же гарцевали на кровных арабских лошадях кавалерийские офицеры египетских войск и полицейские жандармы с карабинами «на изготовку», выставленные там и сям для порядка, а также разные английские приказчики и конторщики на наемных россинантах. Арабская молодежь, наполовину в европейских, наполовину в туземных костюмах, тоже трусила на осликах целыми компаниями, весело перегоняя друг друга. Неутомимые погонщики, разумеется, бежали тут же и криками или ударами старались подбодрить своих животных. Европейские, значительно уже поблекшие кокотки, с окрашенными в рыжий цвет волосами, нагло лорнировали из своих колясок дам местного общества и посылали дружеские кивки разным банкирам и негоциантам. Немало народу сидело и около кофеен под платанами и гуляло пешком по аллее, а группы более чем полуголых феллахов, аборигенов земли египетской, сидя на корточках под деревьями, с равнодушием каменных сфинксов глазели на всю эту сновавшую перед ними тщеславную и суетную толпу захожих «Франков».

Вот показались несколько полицейских, которые озабоченно и торопливо старались очистить в толпе место для проезда кого-то. Вслед за ними спокойно ехали рядом два кавалериста с карабинами «на изготовку», за ними легко, вприпрыжку, бежали два скорохода в алых бархатных куртках, залитых золотом; за скороходами шталмейстер хедива на светло-сером жеребце, а за шталмейстером сам хедив в роскошном ландо четвернею цугом, с жокеями. Светлосерые кони его экипажа подобраны были просто на диво. За ландо скакали толпою адъютанты, пашы, камергеры и несколько человек кавалерийского эскорта. Выезд был вполне помпезный. Хедив сидел в ландо один и приветливо отвечал на поклоны, но только «Франки» мало обращали на него внимания и далеко не все спешили приподнимать ему свои шляпы. Это, конечно, очень независимо, но зато и очень невежливо.

Между тем по ту сторону канала, на самом берегу, шла своим чередом повседневная туземная жизнь в среде пригородных бедняков-феллахов, которые ютятся в маленьких, жалких глинобитных клетушках, похожих более на хлевы или навозные кучи, чем на жилище человека. Там толпа феллахских девочек и женщин с открытыми лицами, в длинных черных балахонах, переходила от хижины к хижине, сопровождая свое шествие продолжительным голошением, которое удивительно как подражает урчанью болотных лягушек. Одна женщина, впереди про-

чих, несла на руках что-то покрытое платком или куском какой-то материи. Нам объяснили, что это общественный сбор добровольных пожертвований либо на похороны, либо на свадьбу, так как и в том, и в другом случае он у феллахов совершается одинаковым образом, а именно: собирается толпа подруг и соседок той женщины или девушки, которая нуждается в пособии и отправляется вместе с нею вдоль по селению с одного конца до другого и всем хором урчит при этом на лягушачий лад, останавливаясь перед каждой хижинкой. Если у матери умер грудной ребенок, то она несет его на руках в корзинке под покрывалом; в других же случаях под таким же покрывалом находится или миска, или плетеная плоская кошелка, куда всякий кладет какое-либо денежное, хлебное или вещевое пожертвование.

В самом канале, погружаясь в воду по шею, спасались от жары и мух рабочие мулы и буйволы и плескались бронзово-темные феллахские ребятишки, тогда как их собраты валялись нагишом вместе с собаками на пыльном берегу между опрокинутыми челнами. Вот под косыми парусами, напоминающими крылья чаек, проплыли одна вслед за другой две дахабие, увеселительные лодки с широкими белыми рубками на палубе. Корма и нос и мачты у обеих лодок были изукрашены зеленью, цветами, коврами и какими-то пестрыми лоскутьями, и из окон рубок неслись звуки торбанов и бубнов и слышались гортанные женские голоса, напевавшие какие-то песни. Такие дахабие ходят по Нилу и по каналам, предлагая свои услуги желающим совершить легкую увеселительную прогулку. Пользуются ими преимущественно туземцы, к услугам которых в каждой лодке, кроме местной музыки, имеются еще кальяны, кофе, шербеты и альме, иначе называемые «гавации», то есть публичные танцовщицы, певицы и гадалыщицы, в роли коих подвизаются почти исключительно местные цыганки. Стоит лишь махнуть кормщику, и дахабие тотчас же пристанет к берегу, чтобы захватить нового желающего повеселиться пассажира. Зажиточные люди, по случаю какого-нибудь семейного или иного праздника, иногда нанимают себе дахабие на целый день и приглашают туда своих друзей и знакомых.

На набережную канала выходят сады и палисадники некоторых дач, нередко весьма красивых. Мы посетили здесь два сада. Из них один принадлежит хедиву, другой какому-то греку (фамилию позабыл), бывшему русскому подданному, который, убоясь введения в России общей воинской повинности, будто бы угрожавшей его сыновьям, поспешил вместе с ними перейти в английское подданство. Россия, впрочем, не в убытке от потери, как и Англия не в выигрыше от приобретения такого «подданного». Но сад у него действительно прелестен, равно как и сад хедива. Оба они полны роскошной растительностью, и под сводами своих ветвей доставляют много приятной тени. Здесь вы встречаете большие олеандровые и жасминовые деревья в полном цвету, оливы, смоковницы и лавры, гранатные, лимонные и померанцевые деревья, финиковые пальмы и широколиственные бананы, огромные фантастические кактусы и цветущие алоэ, виноградные и орхидейные аллеи и беседки, массу роз пунцовых, чайных и белых, и множество других душистых цветов и красивых растений. В обоих садах устроены бассейны с фонтанами, и целая сеть мелких арыков разносит из них живительную влагу во все концы того и другого сада. Во все такие дачи вода проводится посредством подземных труб из канала, где для этой цели постоянно работают несколько водокачален: при помощи мускульной силы феллахов. Кроме того, в некоторых бассейнах идет работа чигирями, для чего употребляются буйволы и верблюды, ходящие с завязанными глазами по кругу.

Вода здесь – это жизнь, со всей ее силой и роскошью; без воды же – смерть. Так, например, к тому же каналу ведет из города шоссе, проложенное по жесткому известковому грунту; по бокам его тянется аллея солидных тамарисковых деревьев, которые живут лишь благодаря прокопанной у их корней маленькой канавке с ничтожной струйкой проточной воды, а рядом с ними тут же, менее чем в двух шагах расстояния, уже полная смерть, где на пепельно-белой почве не встретите вы ни травинки. И этот вид жизни и смерти рядом, без промежутка, без малейшего сглаживающего перехода от одного к другому, эти два резкие контраста произво-

дят на свежего человека с непривычки какое-то странное по своей новизне и жуткое впечатление. Нам, жителям умеренного пояса, совсем незнакомы в нашей природе подобные контрасты и... я думаю поэтому, что она мягче, ровнее, нет в ней такой поразительной резкости, такого избытка роскоши и скудости рядом, нет этой вечной борьбы между жизнью и смертью, этих завоеваний каждого клочка земли жизнью или культурой у смерти, и этих вырываний того же самого клочка, при малейшем недосмотре или небрежности человека, смертью у жизни и культуры.

Вечером, ложась в постель, я только что приподнял легкое одеяло, как из-под него вдруг выбежала пара каких-то черных насекомых около вершка длиной. Батюшки, уж не скорпионы ли?! Но нумерной араб объяснил, что это египетские тараканы, без которых тут ни один дом не обходится. Он поймал одного из них и показал нам. Оказалось, что это так называемый таракан-исполин, величиной вдвое больше нашего обыкновенного черного таракана, только тельце его отличается более вытянутым и плоским видом. Он жрет не только мясо, хлеб, кожу и книги, но имеет привычку нападать и на спящих людей, а в особенности любит у умирающих и у трупов грызть на ногах пальцы. Нечего сказать, приятно сожительство с таким милым насекомым!

Араб тщательно осмотрел наши постели под подушками и простынями, и только после такой обстоятельной ревизии решились мы наконец улечься. Здесь, как и на всем Востоке, над каждой кроватью устроен кисейный мушкетер, в предупреждение от ночных нападений мушкетеров. Араб со всех сторон подоткнул его полы под тюфяк, чтоб уж никакая мерзость и гадина не могла к нам забраться, и мы очутились как бы в прозрачных клетках. Но опять беда: под мушкетером гораздо душнее, чем в комнате, так что просто дышать нечем, а тут еще гляжу, араб закрывает ставнями окна.

– Это зачем? – протестует Федор Егорович. – Скажите ему, дураку, чтобы хоть окна-то оставил настежь! Ведь мочи нету в этой бане проклятой!

Но оказывается, что и окна нельзя оставлять открытыми: здешние ночные росы в летнее время очень вредны, порождают лихорадки, и еще, как ни странно казалось бы, уверяют, будто они в особенности вредно действуют на глаза и являются одной из главных причин весьма распространенной в Египте офтальмии. Объясняют это таким образом, что с поверхности земли вместе с испарениями поднимаются в воздух микроскопические частицы весьма злокачественной известковой и солончаковой пыли, которая растворяется в росе и, попадая на глазные веки, сильно разъедает их, последствием чего бывает воспаление, нередко имеющее исходом полную потерю зрения.

В Александрии, действительно, встречается много слепых, и говорят, будто преимущественно от этой причины; мне же кажется что для офтальмии совершенно достаточно и просто пыли здешних окрестностей, без растворения ее росой. А впрочем, местным жителям про то лучше знать.

Итак, хочешь, не хочешь, а спи в двойной духоте, но какой же тут сон возможен!

– Экая мерзость! – ворчит мой сожитель, в костюме ворочаясь с боку на бок: – Днем факторы да бакшиш на каждом шагу, а ночью тараканы с офтальмиями, да песьи мухи какие-то, да при этом еще и температура в тридцать градусов. Фу, ты, батюшки!.. Скажите, пожалуйста, и это у них «благодатными странами» называется!.. а?.. Верьте после этого людям!

14-го июля.

С утра все мы облеклись во фраки с белыми галстуками, при орденах, и поехали представляться хедиву. Прием назначен был в одиннадцать часов утра во дворце Рас-эль-Тин. На козлах коляски, в которой поместился адмирал с нашим генеральным консулом в Египте Иваном Михайловичем Лексом, уселся рядом с кучером консульский кавас (телохранитель) в блестящем парадном костюме, с целым арсеналом оружия: саблей, ятаганом, пистолетами, револьвером да еще и с длинною булавой в руке, а шагах в пятнадцати впереди экипажа бежал

босоногий консульский скороход, красивый молодой сириец в залитой золотом куртке, держа пред собой длинную, тонкую трость. Таков всегда бывает здесь парадный консульский выезд, сообразно требованиям местного придворного этикета, которому следуют в официальных случаях также приезжие высокопоставленные лица.

Рас-эль-Тинский дворец находится на западном отроге Александрийской косы, близ маяка того же имени, и ехать к нему надо через мусульманскую часть города. Улицы здесь гораздо уже, чем в европейской части, но те, по которым мы теперь ехали, были вымощены, так же, как и европейские, триестскими плитами. Здесь тянулся почти непрерывный ряд глинобитных и каменных домов, и многие из них были в три и четыре этажа. На плоских кровлях устроены в виде балдахинных навесы, украшенные цветами и растениями, а иногда коврами и цветными завесами. Древесные сторы и камышовые циновки защищали от солнца ту или другую сторону этих возвышенных веранд, где мусульманские семейства очень любят проводить свое время, так как на высоте и воздух чище, и более провеивает морским освежающим ветром. Там же обыкновенно вялится виноград и сушится выстиранное белье. Верхние этажи нередко выдаются несколько вперед над нижними, так что два противоположные дома иногда образуют как бы свод над улицей, благодаря чему, прохожие пользуются благодатной тенью. В двухэтажных домах весьма оригинально устроен верхний этаж: он в отношении к нижнему располагается под углом, зигзагами, вследствие чего на кровле нижнего этажа образуется несколько треугольных площадок, служащих верандами и балконами. Такие площадки нередко украшаются зеленью ползучих и вьющихся по стенам растений. Окна во всех мусульманских домах не имеют ни рам, ни стекла, но взамен их они снабжены вставными мелкоячеистыми решетками, составленными из выточенных деревянных частиц. Это так называемая мушараби, и во многих случаях они останавливают на себе внимание изяществом и оригинальной красотой своего мавританского рисунка. Почти в каждом доме, на высоте второго этажа и выше есть красивый шах-нишин, то, что у нас называется бельведером или фонариком: составленный из решетчатых мушараби, он обыкновенно является лучшим украшением наружности дома, особенно если завит по карнизам зеленью винограда или повоев. Входные двери во многих домах украшены узорчатой резьбой и бронзовыми или железными скобами с массивной серьгой, либо с кольцом, которым желающий войти должен стукнуть в скобу, это то же, что наши дверные звонки. Над входом обыкновенно красуется какая-нибудь вязевая арабская надпись, чаще всего благочестивое изречение или стих из Корана, и нередко такие надписи бывают высечены горельефом на беломраморных досках. Нижние этажи почти сплошь заняты лавками, где торг зачастую идет просто через открытое окно. Тут множество табачных, бакалейных, москательных, зеленых, мясных, фруктовых и мелко-галантерейных лавчонок со всякою всячиной, которую невозможно ни усмотреть зараз, ни тем более перечислить. Кроме того, чуть не в каждом доме, или восточная кофейня, или цирюльня, или продажа содовой и свежей «нильской» воды. Множество продавцов последней просто шатаются себе по улицам, выкрикивая и выхваливая свой товар, навьюченный либо на ослике в бочонках, либо на самом продавце в бурдюке из козлиной шкуры, а то и просто в глиняном кувшине, и надо испытать здешнюю жару, чтобы понять как велика потребность в свежей воде для утоления жажды. Продавцы воды никогда не остаются в убытке, и торговля ею, по-видимому, составляет здесь довольно видную отрасль мелкой уличной промышленности. Процесс бритья правоверных голов также совершается большею частью на улице бродячими цирюльниками, которые возвещают о своем приближении боем в медную тарелку или тазик. Кроме того, тут же бродят мороженщики и продавцы подсахаренного мелкого льда, лимонада и гранатного сока, пирожники с жареными пышками, хлебники с коржами и лепешками, кальящики, предлагающие за самую мелкую монету покурить или затянуться из своего дымящегося кальяна, фруктовики с нарезанными кусками сочных арбузов и дынь и горами винограда, другие с бананами, апельсинами, фанатами и персиками, цветочники с букетами и букетиками, продавцы собачьих ошейников, палок

и тросточек, сокольниками с дрессированными для охоты соколами и кречетами, знахари с «жизненными» и возбуждающими эликсирами и талисманами ото всех бед и недугов, уличные писцы с медными колямданами за поясом, факиры и дервиши, обвешанные амулетами, с длинными посохами и тыквенными баклагами, гороскопщики и гадалышки с билетиками, предсказывающими будущее, нищие с учеными обезьянами и нищие, сами походящие более на обезьян, чем на человека, калеки и паралитики-идиоты, фокусники и змеезаклинатели и множество иного люда, белого, черного и бронзового всех оттенков и всяческих профессий, перечесть которые я отказываюсь... Движение народа по улицам весьма велико и отличается восточной пестротой и южно-европейской юркостью: Александрия как-то органически соединяет в себе и то и другое. Белый миткаль и яркие ситцы, шелк и отребья и постоянно мелькающее перед глазами полуобнаженное человеческое тело, закутанные в черные покрывала фигуры женщин, ослы, верблюды, лошади и собаки, ослепительное солнце, резкие тени, пряные восточные запахи, гортанный говор и гомон снующей толпы, – все это заставляет как бы прыгать, перескакивать с предмета на предмет и ваши взоры, и ваше внимание, так что в конце концов у вас остается только смешанное впечатление какой-то необычайно жизненной, подвижной пестроты, тесноты, духоты и оригинальной красоты зданий.

Рас-эль-Тинский дворец занимает на косе довольно обширную четырехугольную площадь и смотрит южным своим фасадом в западный порт, а северным – через сад, прямо в голубой простор Средиземного моря. Он окружен обширными дворами и разными флигелями и мелкими пристройками и снаружи весь выбелен. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что стены его, или по крайней мере некоторая часть их, построены из сырцового кирпича, если даже не просто глинобитные; заключаю это по выдающимся кое-где наружу потолочным балкам. Сад при дворце наполнен финиковыми и иными пальмами, бананами, лаврами, олеандрами и другими деревьями и растениями, свойственными этому климату; в нем много цветов и воды, без которой, впрочем, и немыслима была бы вся его растительность.

Наши экипажи остановились на обширном дворе, перед широким подъездом северного фасада, где стояли несколькими группами военные офицеры и придворные служители в роскошных ярких костюмах. Церемониймейстер Тонино-бей встретил нашего адмирала в растворенных дверях, и после взаимных приветствий мы вошли в высокие обширные сени, откуда сразу пахнуло на нас живительной прохладой и где караульный взвод хедивской гвардии саблями отдал честь адмиралу. По широкой лестнице поднялись мы на второй этаж и вошли в обширную и прохладную приемную залу. На стенах ее местами виднелись фрески, изображавшие вазы с цветами и фруктами; роскошно тяжелые шелковые драпировки на дверях и окнах ниспадали от высокого потолка и ложились пышными складками на мозаично-узорчатом паркете... Большие окна глядели прямо на север в море, и в них продувал порой приятный сквозной ветер. Европейская мебель была покрыта белыми чехлами – предосторожность, необходимая летом при здешней едкой и микроскопично-мелкой известковой пыли. Громадный смирнский ковер застилал всю середину залы.

Через минуту в одну из боковых дверей с левой стороны вошел хедив в темно-вишневой феске и черной венгерке, сходной покроем с французской военной жакеткой. Это был молодой еще человек, на вид лет около тридцати, довольно рослый, плотный, румяный и красивый, со светло-каштановыми волосами, – тип скорее славянский, чем арабский или тюркский. Наш генеральный консул представил ему адмирала, а адмирал, в свой черед, – всех лиц своего штаба. Хедив очень любезно подал всем руку и затем предложил садиться. Сам он занял место на диване, адмирал же – подле него на кресле рядом с консулом. Остальные разместились полукругом на стульях. Официальный толмач нашего консульства, господин Менотто, остался стоя перед хедивом и адмиралом.

Разговор (как и надо, впрочем, было ожидать) не выходил из сферы общих мест и взаимных любезностей. Хедив осведомился: благополучно ли совершил адмирал свой путь до Алек-

сандрии, в первый ли раз ему приходится быть в Египте, как нам понравилась Александрия, долго ли намерены мы прогостить в этом городе и тому подобное. Менотто каждую фразу передавал очень отчетливо и при том не «своими словами», как делают обыкновенно почти все переводчики, а дословно, именно в той самой форме, как фраза была сказана. Так, например, вместо того, чтобы сказать, что хедив, де выражает свое удовольствие видеть у себя и прочее, Менотто говорит дословно: «мне весьма приятно видеть у себя во дворце столь знаменитого и почетного гостя»; затем, в точно такой же форме, передает хедиву ответ адмирала: «я счастлив, что могу засвидетельствовать» и так далее. Затем хедив стал говорить уже без посредства толмача на французском языке, которым владеет довольно порядочно.

Во время всех этих экспликаций один черный слуга внес на серебряном подносе зажженную свечу, гаванские сигары и большие папиросы с длинными мундштуками, другой – целую башенку медных блюдец, поставленных одно на другое, а третий – большой кофейный сервиз. Этот последний был покрыт пеленою из лиловой с золотом и золотою бахромой парчи, которая одной стороной своей лежала на груди и плечах слуги, а другой несколько ниспадала с круглого подноса. Когда первый слуга обнес гостей папиросами, а другой поставил на пол пред каждым гостем по медному блюдцу для сбрасывания пепла, оба они сняли с третьего парчевую пелену, и тогда пред нами открылся роскошный сервиз в восточном вкусе, сверкавший драгоценными камнями. Один из слуг приступил к разливанию ароматного кофе из богатого серебряного кумгана в маленькие фарфоровые чашки, вставленные в серебряные, тонкой филигранной работы, подчашники, по которым попеременно с бирюзой сверкали алмазы, сапфиры, рубины и яхонты. Когда, наконец, кофе был разлит, слуга с сервизным покосом, стоявший все время, как истукан, с замечательною неподвижностью, почтительно приблизился к хедиву и с видом благоговения полусклонил пред ним колено, выдвинув вперед свою ношу. Хедив взял с подноса чашку и любезно передал ее адмиралу, а затем следующую поставил на стол пред собой. Таким же образом, только без склонения колена, были обнесены остальные гости.

Хедив в разговоре сообщил между прочим, что незадолго до нашего прибытия в Александрию здесь на рейде был контр-адмирал Асланбегов, тоже представлявшийся со своими офицерами, причем хедив имел удовольствие пожаловать их орденами.²⁴

Вслед за первой чашкой кофе прислуга уже стала было наливать по второй, после которой, по-мусульманскому этикету, из вежливости не следует оставаться долее; но С. С. Лесовский предупредил эту вторую чашку и поднялся с места, чтобы откланяться хозяину. Последовало новое пожатие руки всем представившимся, после чего хедив, сделав общий поклон, повернулся и пошел вон из залы в одну, а мы в другую сторону, и этим маневром, употребленным весьма кстати, он с большим тактом избавил нас от неуместной необходимости пятиться пред ним спиной к дверям, что подобало бы только в отношении к особе коронованной.

Мы видели хедива как любезного хозяина, который держал себя очень просто, естественно и любезно, безо всякой натяжки. Что же касается его характеристики как правителя, то в этом отношении нахожу не лишним сказать о нем несколько слов, основываясь на замечаниях И. М. Лекса, который знал его еще совсем молодым человеком. Но для этого необходимо наперед обрисовать в нескольких штрихах положение, какое застал он в Египте при своем вступлении в управление страной, равно и то, что было сделано для этой страны его отцом Измаил-пашой.

1879 год отмечен в истории Египта важным переворотом: «блистательная» Порта одним почерком пера свергла Измаил-пашу и посадила на его место старшего его сына, Мехмед-Тевфик-пашу. Произошло это без всякого протеста со стороны местного населения, хотя право прямого престолонаследия в мусульманских странах до тех пор еще не применялось. Без про-

²⁴ В ответ на эту любезность С. С. Лесовский исходатайствовал хедиву орден *Св. Александра Невского*.

теста же обошлось дело более всего потому, что народ чересчур уже был обременен тяжелыми налогами ради европейских затей хедива прогрессиста. Но как бы то ни было, а за время своего шестнадцатилетнего управления Исмаил-паша сделал для внешнего благоустройства страны более чем кто-либо из его предшественников: им построены почти все местные железные дороги; прорытие Суэцкого канала точно также не могло бы последовать столь быстро и успели без его прямого и энергического содействия; триста новых оросительных каналов и четыреста мостов (каменных и железных) построены все им же. Количество годной к обработке земли увеличилось при нем почти вдвое. Каир из грязного арабского города преобразился в великолепную европейскую столицу с широкими, хорошо мощеными улицами, красивыми дворцами, бульварами и скверами, величественными арками и театрами для оперы и балета, загородными шоссе и водопроводами, которые устроены также и в Александрии, и оба эти города осветились газом. Площади их украсились монументальными памятниками: в Александрии – главе династии Мехмеду-Али, в Каире – Ибрагим-паше (деду и отцу хедива Исмаила). Александрийский и Суэцкий порты приведены в полное благоустройство, воздвигнуты в них маяки, громадные молы и брекватеры; учреждено общество пароходства *Хедивие*, впервые открывшее правильные рейсы между Александрией, Константинополем, Порт-Саидом и портами Красного Моря; устроена по-европейски почтовая часть, пересоздано народное образование, учреждены смешанные суды международного характера, значительно расширены пределы государственной территории на побережье Красного Моря, в Абиссинии, Араре, Дар-фуре и в Стране Озер, почти до экватора. Во всем этом, бесспорно, было много существенно полезного, но не мало также и эфемерного, быющего только на внешний трескучий эффект, который и был завершен наконец какою-то, можно сказать, шутовскою конституцией. Для всей этой деятельности требовались громадные суммы денег; займы следовали за займами; Исмаил-паша не на шутку воображал себя Наполеоном III в Египте и старался во всем брать примеры со своего идеала, который ему и покровительствовал сколько было возможно. Но идеал кончил Седаном, а Исмаил после того еще целые восемь лет держался. Все шло, по-видимому, прекрасно пока европейские банкиры давали ему займы под обеспечение землями и всевозможными доходными статьями земли Фараонов. Но вот благодетели-банкиры, наконец, нашли что пора им прибрать к своим рукам все эти обеспечения, кредит Египта пошатнулся. Тут Исмаил-паша как-то сразу растерялся, стал бросаться то в руки Англии, то в руки Франции, то к Порте, и кончил тем что Турция, по требованию первых двух держав, сместила его с должности. И. М. Лекс говорит что в этом деле Порты поступила с полною неблагодарностью, так как Исмаил-паша за время своего управления переслал в Константинополь огромные суммы денег и он же увеличил дань платимую Египтом Порте с 400.000 лир до 700.000; он спас Турцию во время Кандийского восстания, когда у Порты не было ни денег ни войск; он же в последнюю нашу войну при самом ее начале отправил в Константинополь 800.000 лир, потом 15.000 войска и все свои пароходы, которые до самого Сан-Стефанского мира занимались перевозкой турецких войск и военных припасов. Что до России, то, до словам И. М. Лекса, Исмаил-паша любил ее и в особенности любил Русских, и в политике боялся Англии и до 1870 года Франции, Со времени же Франко-Германской войны он действовал безусловно так, как хотела Англия и только в последнее время понял свою ошибку. Тогда он сошелся с так называемой национальной партией и сделал нечто вроде государственного переворота (*coup d'etat*) направленного против Нубар-паши и иностранных министров, но это было уже поздно и повело только к тому что Англия, соединясь с Францией, вовсе удалила его из Египта и запрещает вернуться в страну даже частным человеком.

Нынешний хедив, как мы видели, человек еще молодой. И. М. Лекс говорит что он порядочно образованный но, к сожалению, чересчур уж мягок и податлив на случайные влияния, а главное – всему на свете предпочитает тихую гаремную жизнь, избегая, по возможности, лично вникать в политику и дела правления. Потому-то и предоставил он все эти деда совету

министров или, вернее сказать, двум входящим в состав сего совета европейским контролерам, Англичанину Берингу и Французу Блины. Словом, для планов Англии (Франция тут не в счет, она только для виду), Мехмед-Тевфик есть самый подходящий человек на месте хедива, и потому-то благодаря ее настоянию он и назначен был Портой вопреки мусульманскому праву престолонаследия. По примеру своего отца, Тевфик любит Россию и уважает наше правительство, но пуще всего боится Англии. В его характере однако есть некоторая доля мусульманского фанатизма, в силу которого он питает симпатии к Турции, и Порты, если бы только захотела, могла бы действуя разумно возратить себе влияние утраченное ею в Египте вследствие ее подбострастия пред Англией и Францией при низложении Измаил-паши, но увы! Порты сама уже не в состоянии действовать самостоятельно и находится под теми же влияниями что и Египет. Поэтому судьба последнего – полная потеря самостоятельности в недалеком будущем. Египет постепенно, но верно, подготавливается к тому чтобы сделаться (замаскировано или явно, это в сущности все равно) английскою провинцией, с устранением всех прочих европейских влияний²⁵. Иван Михайлович свидетельствует, что вся страна терпеть не может Французов, а в особенности Англичан, и не любят их здесь именно за то что они вмешиваются в управление страны; Русских же уважают потому что мы остаемся в стороне ото всех этих дрязг, интриг и ростовщичества, а многие здесь надеются что мы, именно мы, когда-нибудь избавим их от непрошеного иностранного вмешательства; но сами Арабы для этого конечно ничего не делают.

По возвращении из дворца Степан Степанович поехал один с визитом к Гассим-паше, начальнику морских египетских сил, а потом в четыре часа дня со всем своим штабом посетил блаженного Софрония патриарха Александрийского. Это почтенный старец, лет за шестьдесят, но довольно еще бодрый. Живет он очень скромно в своем патриаршем доме, а дом у него небольшой, каменный, с наружной деревянной галереей, увитой виноградом, где сидят в клетках разные певчие птицы. Приемная комната патриарха отличается в высшей степени скромной обстановкой; стены ее выбелены, в восточном углу висят иконы афонского письма и иерусалимские кресты из перламутра, а над диваном – портрет императора Александра Николаевича, писанный масляными красками, сбоку же на стене – литографированный портрет короля греческого; простой диван с овальным столом да дюжина гнутых буковых стульев, вот и все ее убранство.

Патриарх очень интересовался нашими китайскими делами и выразил твердую уверенность, что Китай не отважится объявить войну России, в особенности ввиду такого флота, какой теперь готовится соединиться против него в Тихом океане. «А впрочем, прибавил он, что бы ни случилось, молитвы и благословения восточной католической церкви всегда и впредь пребудут над русской державой, как пребывали доселе, и я глубоко верую, что Бог дарует вам успех». Патриарх объяснялся по-гречески, а переводчиком служил господин Менотто. После угощения турецким кофе с холодной водой мы простились с блаженным Софронием, который при этом дал каждому из нас свое благословение.

Тут же при патриархате находится монастырь Св. Саввы и помещается внизу небольшая патриаршая церковь, замечательная тем что в ней у одной из стен находится каменная плаха, на которой была обезглавлена Св. Великомученица Екатерина и колесо служившее орудием ее пытки. Снаружи патриаршая церковь не имеет никаких архитектурных украшений, а внутреннюю обстановку ее можно назвать более чем скромною. Дневной свет проникает туда сквозь небольшие окна с железными решетками, и потому под низкими тяжелыми сводами церкви всегда господствует полусумрак. Вдоль ее стен идет ряд узких деревянных перегородок предназначенных для «стояния» монашествующей братии, из коих каждая служит определенным местом тому или другому иноку во время церковной службы. Утомившийся во время про-

²⁵ Таково было в 1880 году мнение покойного И. М. Лекса.

должительного всенощного бдения может только облокотиться руками о верхние края стенок своей перегородки; других послаблений здешний монастырский устав не допускает. Иконостас низенький и довольно бедный; местные образа, по греческому обыкновению, украшены поверх венчиков тюлевыми вышивными убрусами и лентами; серебряных окладов на иконах мало; на некоторых только есть металлические венчики. Наиболее ценные вещи, равно как и лучшие облачения ризницы, пожертвованы из России.

От патриарха поехали мы с визитом к нашим дипломатическим чинам, а остаток дня, пока еще не стемнело я посвятил осмотру храмов; греческого, коптского и католического.

Православный Благовещенский собор довольно большое белое здание с двумя колокольными башнями над углами главного фронтона. Внутри его, мраморные колонны; кафедра и иконостас тоже украшены мрамором. Патриаршее место находится на возвышении с правой стороны и рядом с ним место русского консула, а напротив, по левую сторону, место консула греческого. Собор этот сооружен в 1855 году и никаких исторических достопримечательностей не имеет, в нем все новое. При соборе находятся библиотека и гимназия, где предметы преподавания распределены в значительной мере между лицами соборного духовенства. Преподавание идет на греческом языке, а из иностранных языков воспитанники изучают французский и английский.

Коптская православная церковь во имя Св. Евангелиста Марка находится неподалеку от Благовещенского собора и русского консульства. Она каменная, четырехсторонняя, с куполом обмазанным снаружи бедою глиной, в роде тех что встречаются в наших среднеазиатских степях над киргизскими мазарками. Церковь не велика, человек на двести не более; иконостас местной живописи, иконы без окладов и иных украшений, стены просто выбелены; на всей обстановке лежит печать несколько суровой скудости, но зато содержится церковь в замечательной для Востока чистоте и опрятности. В особом небольшом предделе с левой стороны находится могильное место Св. Евангелиста в роде саркофага и над ним икона местного древнего письма, где Апостол изображен стоя с лежащим у ног его львом. Местность на иконе представляет вдали современную Апостолу Александрию с колонной Антония и знаменитою иглой Клеопатры, и надо думать что изображение то довольно верно, потому, например, что с топографической стороны тетаобразная Александрийская коса представлена согласно с ее действительным положением. Внизу, в поле того же пейзажа, изображены в миниатюре мучения Св. Марка на самом месте их действия; так по крайней мере объяснял нам ктитор. В этой миниатюре Апостол представлен связанным по рукам и ногам и поверженным на землю; его волочат за концы веревок двое нечестивых воинов. У этих последних лица и руки выскоблены совершенно в том же роде как видел я на образах болгарской церкви в Карлове, где уста и глаза на ликах всех образов были сцарапаны и выколупаны башибузуками. На мой вопрос, зачем это сделано, ктитор объяснил что сделано оно самими же Коптами из чувства благочестия, дабы лики нечестивых не оскорбляли святости икон, невместно де их поганым ликам быть на одной доске и в одном поле со святым ликом Апостола.

Католический храм во имя Св. Екатерины находится в стенах мужского монастыря, в ближайшем соседстве с нашим отелем. Рядом с ним разбит прекрасный монастырский сад, наполненный пестрыми цветочными клумбами, фруктовыми деревьями и финиковыми пальмами. Впрочем, монахи не сами занимаются культурой своего сада, а держат для этого наемного садовника, равно как и все хозяйственные и черные работы по монастырю исполняются наемными людьми; себе же на долю святые отцы оставляют только труд пропаганды и обучение юношества. Живут они очень комфортабельно и не особенно постничают, так как монастырь имеет богатые средства доставляемые основным его фондом и приношениями пилигримов, а до 1870 года получал еще большие субсидии и от Французского правительства.

Храм Св. Екатерины – новый и довольно красивой постройки. Свет падает во храм из купола и больших боковых окон, которые составлены из цветных стекол и украшены живопи-

сю по стеклу; от этого внутри храма господствует мягкий и как бы таинственный полусвет, среди которого очень эффектно выделяется над главным алтарем большое мраморное изваяние Богоматери. Над некоторыми из боковых алтарей оригинальный и несколько странный эффект делают образа-статуи, или вернее сказать образа-манекены в нишах за зеркальными стеклами и их беломраморные и восковые фигуры резко выделяются на живописном фоне, но это соединение живописи со скульптурой и бутафорским гардеробом, которые здесь я видел лишь впервые, не скажу чтоб удовлетворяло строго изящному вкусу; оно только озадачивает зрителя своей неожиданною оригинальностью, тем более что некоторые статуи одеты в богатые ризы и роброны из атласа и бархата и в круженные мантильи, ну так и кажется что вы попали не в церковь, а в какое-то отделение музея восковых фигур Лента. Но вот что красиво: один из пределов находится в совершенно темной часовне, где слабый луч золотистого света падает сверху из невидимого фонарика только на мраморное изваяние распятого Христа, оставляя все прочее в глубоком сумраке, и это действительно выходит очень эффектно. Вы не видите, откуда именно падает свет и потому вам кажется будто он исходит из самого тела Спасителя. На стенах храма находятся белые скульптурные изображения всех стадий крестного пути и страданий Христовых, и тут же помещаются восемь резвых деревянных исповедален, где исповедь происходит на языках французском, итальянском, ирландском, немецком, польском, армянском, арабском и коптском.

Здесь кстати будет сказать несколько слов о вероисповедных и церковных делах Египта, познакомиться с ними благодаря И. М. Лексу я успел из дел вашего консульства.

В пятимиллионном населении Египта местная статистика насчитывает весьма немного христиан, а именно: Коптов около 200.000, православных Греков около 70.000, Армян православных 1.500, Армян католиков 700 человек; католиков, считая в том числе Коптов, Сирийцев и Маронитов, 10.000 человек; униатов 20.000, Евреев-раввинитов около 6.000, караимов 2.000 и протестантов 1.000. Наконец, иностранцев всех христианских исповеданий 7.000. Все остальное население мусульманское, из коего Турок насчитывается 120.000, а прочие все Арабы: гаджасские, нубийские, сирийские, тувисские, марокские и сомальские. Так как со времени Мехмед-Али у мусульманских мулл были отняты имения и они перешли на жалованье от правительства, известного ныне своею веротерпимостью, так как сами Арабы слишком трусливы чтобы нападать в открытую, то мусульмане здешние живут в весьма сносных отношениях к туземным христианам никогда никаким преследованиям их не подвергают. Христиане разных исповеданий живут между собою тоже мирно; большинство из них православные.

В Египте насчитывается пятнадцать христианских монастырей: 12 коптских, из коих 7 мужских с 500 монахов и 5 женских с 85 инокинями; 1 католический, во имя св. Екатерины, в Александрии, с особым подворьем в Каире; 2 греческих: Св. Саввы в Александрии и Св. Георгия в окрестностях Каира. В Каире есть еще подворье Синайского монастыря (Джувания), где почти постоянно живут архиепископ, два архимандрита и несколько монахов, но они никакого отношения к местному населению не имеют; самый же монастырь на Синае, где почивают мощи Св. Екатерины, существует на средства высылаемые из России и на приношения русских поклонников. Кроме того, как на предметы и места священные для христиан, указывают в Каире на дерево Божией Матери (Матария), под тенью коего отдыхала Пресвятая Мария со Младенцем Иисусом во время бегства в Египет, и пещеру в Старом Каире, где Святое Семейство спаслось от преследований.

Александрийский патриархат и Синайский монастырь владеют в Египте некоторыми имениями, весьма, впрочем незначительными и не приносящими почти никакого дохода. Вообще, как православная греческая, так и православная армянская церкви находятся здесь скорее в бедности чем в каком-либо достатке. Католическая церковь в Египте пользуется покровительством всех католических церквей Европы, между которыми даже и республиканская Франция до недавнего времени играла еще выдающуюся роль; протестантская цер-

ковь находится под покровительством Германии, англиканская – Великобритании, иудейская – Австрии и, наконец, православная (греческая и армянская) состоит как бы под официальным русским покровительством. Протестантская и англиканская пропаганда действует во всем Египте, но без успеха, хотя в стране, особенно внутри ее, много английских и американских миссионеров. Успех католической пропаганды тоже не особенно велик, но в последнее время завелось в Александрии, Загазиге и Каире несколько иезуитских школ, которые рассчитывают действовать удачнее.

Что до Евреев, то их в стране немного, и группируются они преимущественно в Александрии и Каире. Есть здесь так называемые «исламские Евреи» которые сохранили лишь семитический тип, но во всем остальном, в одежде, нравах и образе жизни совершенно сходны с Арабами; потом Караимы, большею частию выходцы из Крыма, и наконец польские и немецкие Жидки, преимущественно «цыбулизированные» и сполна состоящие в иностранном подданстве.

Вечер провели мы в кафе «Парадиз», на самом берегу моря, у восточного рейда, где шумный прибой морских валов мерно бьет в стену террасы. Едва мы вошли в залу, как большой оркестр, составленный из немецких девиц (преимущественно венских и чешских), словно каким-то чутьем угадав, что мы русские, грянул вдруг марш, скомпонованный из мотивов «Жизни за Царя». Это, очевидно, было сделано в нашу честь, в виде «комплиментарного приветствия», так как улыбки и взоры артисток во время исполнения пьесы как бы с некоторым подчеркиванием устремлялись преимущественно на нашу скромную группу, а по окончании марша одна из наиболее смазливых «фройлин» направилась прямо к нам с тарелкой, покрытой чайной салфеточкой, и вызываясь любезно сделала пред нашим столом коротенький книксен с прискоком. Мы, конечно, вознаградили оркестровых дам за их «комплимент» по силе возможности несколькими франками и тем приобрели себе между ними репутацию «весьма щедрых русских господ», так как здешняя публика не только европейская, но и левантская, вообще очень скаредна и платит за подобные музыкальные любезности много-много, если пятью сантимами.

В этом «райском кафе» в открытую процветает рулетка, около которой вечно толпятся искатели счастья и легкой наживы, исключительно европейцы, а в соседней зале к услугам более скромных игроков находится чуть не до десятка бильярдных и множество отдельных столиков с домино, трик-трак и шахматами. Здесь специально мужское отделение, и потому любители играют без сюртуков, для большей легкости и прохлады. Мы, однако, предпочли удалиться из душной прокуренной залы на прибрежную веранду, где разбит очень миленький цветник, и, прохладаясь мороженым и холодной водой, слушали музыку грохочущего прибоя, мешавшего свой шум с гармонией оркестра, любовались видом беспредельного моря и городской набережной с ее коническим шпилем протестантской кирки и громадами высоких каменных домов, слабо озаренных мелькавшею в облаках луной. Вскоре пришел сюда И. М. Лекс и повел нас в другой приют того же рода, но только более скромный и не столь музыкальный, кафе «Триест», где за конторкой буфета восседала дебелая еврейская «мадам» из Ломжи или из Слонима и где встретили нас такие же белокурые дочери Германии, только без скрипок и тромбонов, а с пенящимися кружками венского пива. Впрочем, это все та же вульгарная «Европа», знакомая всем и каждому вдоль и поперек и (для меня, по крайней мере) нимало не интересная. Зато крайне интересны были рассказы И. М. Лекса, который исподволь, в живом разговоре, успел сообщить нам много самых разнообразных сведений о здешней жизни и быте, об общественных и политических отношениях европейского и туземного элементов, о взаимных интересах европейских «дипломатов» и тому подобном. Более всего заинтересовал нас вопрос «о русских в Египте», об их положении в этой стране и о нашей торговле с Египтом.

По словам И. М. Лекса, русских здесь всего 350 человек, что весьма немного на общую цифру проживающих в Египте иностранцев, простирающуюся до 70 000. Но в числе русских

считаются и все, проживающие здесь под нашим покровительством сербы, черногорцы, болгары и уроженцы Средней Азии. Замечательно, что даже кашгарцы и текинцы, попадая в Египет, сами отдают себя под покровительство России, хотя, казалось бы, как независимым мусульманам, им всего естественнее было бы искать непосредственного покровительства у турок, но таков уж престиж России в глазах среднеазиатцев: думают, что под нами понадежнее. Число собственно русских весьма незначительно, так как даже русско-подданные, имеющие в Египте постоянную оседлость, большею частью принадлежат по происхождению к другим национальностям и нашим иногородческим элементам. В большинстве это все греки, из коих восемьдесят, если не девяносто процентов никогда и не бывали в России и даже имеют о ней крайне смутные понятия, но для своих торговых дел и общественного положения им выгодно числиться русскими подданными. При неудовольствии за что-нибудь на русское консульство или из страха пред общей воинской повинностью они легко переходят в подданство какой-либо иной державы, преимущественно Англии, до нового какого-нибудь неудовольствия, после которого зачастую, не успев даже дожидаться натурализации, награждают своим подданством Францию или Германию, или вообще какую-либо из влиятельных европейских держав, если только та согласна принять их. Такие подданные, кроме лишних хлопот и неприятностей для консульства, обыкновенно ничего не приносят принимающим их державам, и есть ли они, нет ли их, для нас в сущности совершенно безразлично, даже, пожалуй, выгоднее, когда их меньше. Затем, после греков, в числе наших подданных следуют армяне, евреи, ташкентцы, самаркандцы и черкесы.²⁶

Крупных коммерсантов и торговых фирм между русско-подданными насчитывается всего одиннадцать.²⁷ Временные же торговцы в небольшом числе приезжают иногда из России в зимнее время для закупки хлопка. Русских подданных паломников мусульман проходит чрез Египет весьма много, но они большею частью следуют по Суэцкому каналу нигде не останавливаясь, и потому число их в консульстве неизвестно. Православные же русские паломники едут чрез Египет на Синай, но в последнее десятилетие число их ежегодно уменьшается и едва ли доходит до двухсот в год. Из оседлых на месте русско-подданных и покровительствуемых Россией уроженцы Средней Азии занимаются большею частью мелкою уличною торговлей, Болгары продают молоко и вообще молочные произведения, Черногорцы служат сторожами при банках и торговых домах, один из коренных Русских состоит околоточным надзирателем в составе Александрийской полиции (он из бывших военных),²⁸ Греки с Армянами банкир-

²⁶ По сведениям русского генерального консула, все русско-подданные и состоящие под русским покровительством в Египте распределяются следующим образом: в Александрии русско-подданных 48 человек. Кроме того, проживающих под нашим покровительством Болгар 47, Бухарцев и Коканцев 15, а всего 110 человек. По вероисповеданию они разделяются на православных (63), лютеран (2), Армян-грегориан (6), Евреев (24) и мусульман (15). В Порт-Саиде проживают двое русско-подданных, на них один православный, другой мусульманин. В Мансуре находится на постоянном жительстве русско-подданных 3 и проживающих под нашим покровительством 7 человек, из них 8 мусульман и 2 Еврея. В Танте русско-подданных 5, под покровительством 10, из коих 1 православный, 1 католик, остальные мусульмане. В провинции Гарбие подданных 5, под покровительством 11, из них 1 православный, прочие мусульмане. В провинции Менуфиэ подданных 3, под покровительством 1, из них 1 православный, 3 мусульман. В провинции Бехере подданных 3, все мусульмане. В Каире подданных 32, под покровительством 31, из них православных 17, Евреев 13 и мусульман 33 человека. Некоторые из числа этих русско-подданных снабжены паспортами от губернаторов из России; те же которые приобрели русское подданство не быв в России, паспортов не имеют, так как встречают затруднения в приписке их к каким-либо обществам в Одессе и других городах Черноморского побережья.

²⁷ А именно, в Александрии 1) Амбургер и К°, посылает в большом количестве хлопок в Россию; 2) Антониадис (греческий уроженец), более занимается банковскими делами; 3) Бустрос и (сирийский уроженец) К°, торгует с Сирией и Англией и ведет банковские дела; 4) Ашикдан (уроженец Армении), занимается более банковскими делами; 5) Сиаг и 6) Кардахи (сирийские уроженцы); оба ведут внутреннюю торговлю и кроме того занимаются торговлей с Сирией. В Каире: 7) Григорий д'Элда (Армянин), занимается внутреннею торговлей; 8) Богос Карабетов и сын – более банковскими делами и 9) Али-Баба (уроженец Александрии), внутреннею торговлей. В Танте: 10) Кардахи (Сириец), внутреннею торговлей, и в Суэзе, 11) Коста – торговлей со странами, прилегающими к Красному Морю.

²⁸ В состав египетской полиции в Каире и Александрии частью входят и иностранцы, и только в этих двух городах она может называться посредственною; в других же городах полиция вообще плоха, а в провинциях почти не существует. Поэтому

ствуют и ведут более или менее крупную отпускную и внутреннюю торговлю, а жидки ростовщичат, маклерствуют, рекомендуют дам полусвета и вообще, как всегда и везде, занимаются мелким и темным гешефтом. Некоторые из русско-подданных имеют здесь процессы, но вследствие судебной реформы дела их решаются теперь в смешанных трибуналах безо всякого участия консульств. В числе судей в смешанных судах находятся по назначению нашего правительства трое Русских: гг. Шлигельберг, председатель одного из гражданских отделений, и гг. Абаза и Фредерикс. Смешанные трибуналы судят все дела между египетскими подданными и иностранцами и между иностранцами различных национальностей; консульская же юрисдикция остается для дел между иностранцами принадлежащими к одной и той же национальности.

Русская консульская часть в Египте, за исключением гг. Лекса и Свидарича, представлена следующим персоналом: вице-консулы: в Каире – Григорий д'Эдия, в Дамiette – Улличи Бенедучи, в Порт-Саиде – Генрих Бронн (германский консул), в Сувзе – Григорий Никода Коста; агенты: в Танте – г. Кардахи, в Мансуре – г. Бутари, в Ассиуте – Бутрос Фадтаус и в Луксаре – Мустафа-ага. Все они по-русски, разумеется, ни в зуб толкнуть, но... надо же иметь каких-нибудь агентов, тем более что при всем их несовершенстве и чуждости всему русскому они все-таки приносят некоторую пользу как для торговли, так и в оказании покровительства если и не странникам богомольцам, то некоторым интеллигентным русским путешественникам каких ежегодно бывает довольно много в Каире и Верхнем Египте. И. М. Лекс говорил, что чувствуется надобность учредить вице-консульство в Измаилии, необходимое в торговом отношении, и агентство в Загазиге для торговли хлопком; затем агентство в Гирге для путешественников по Верхнему Египту, так как около Гирге находятся развалины древнего Абидосского храма, и все путешественники останавливаются там для его осмотра; потом агентство в Суакиме для торговли на Красном Море и с Суданом и, наконец, агентство в Масоове для получения торговых и иных сведений из христианской и весьма сочувствующей нам Абиссинии. Все главные европейские державы имеют гораздо более нас агентов в Египте, и все эти агенты, разумеется, достаточно владеют языком той державы которая удостоивает их такого почетного назначения.

Замечено что в последние годы из иностранцев более всего прибывают в Египет Греки, Итальянцы и Сирийцы, а Французы, Болгары, Турки и Армяне, напротив того, в гораздо большем количестве оставляют Египет чем прибывают в него. Араб вообще терпит Европейца, потому что этот последний дает ему порядочный заработок, но из этого еще не следует чтоб он любил Европейца и не был бы готов свернуть ему шею если бы только это не представляло опасности. Больше всего претят Египтянам Европейцы состоящие у них на государственной службе, и действительно, министерство финансов, например, окончательно заполнено ими; в смешанных трибуналах, их на две трети более чем туземцев; в военном министерстве тоже, но тут они гнездятся более в администрации и в канцелярии чем во фронте. За то управление железных дорог, министерство публичных работ, министерство народного просвещения, почтовое ведомство, управление портов, управление государственного Общества пароходства *Хедивие*, все эти учреждения переполнены Европейцами, преимущественно Англичанами. По замечанию И. М. Лекса, настоящее управление края быть может и несколько честнее старого, но между служащими иностранцами бросается в глаза отсутствие практических знаний и незнакомство со страной которою они взялись управлять. Более всего мешает и им самим, их служебному делу незнание местного языка. Население не только мусульманское, но и христианское, даже иностранное, смотрит на все последние реформы весьма недружелюбно, так как из-за них множество Турок, Арабов и Коптов лишились своих мест и теперь голодают; местный же иностранный элемент недоволен реформами, потому что центральное правительство, у которого он вообще не пользуется доверием, предпочло вызывать на административ-

ные места иностранцев из Европы, за что и платит им бешенные деньги. Впрочем, для местных иностранцев кроме биржи никаких в сущности интересов не существует, и если он дуются на правительство за его реформы, так это единственно потому что не в их карманы переппадают те крупные куши какими оплачиваются реформированные должности.

Из местных элементов расположение к России более всех выказывают православные Армяне и православные Арабы, Копты, Абиссинцы и *бедные* Греки; симпатии ко Франции питают, по старой памяти, Сирийцы католики, Армяне-униаты, отчасти Греки и униаты-Арабы. Что до Англии, то расположение к ней замечается только между *богатыми* Греками и Евреями. Средний и маленький Еврей сочувствует Австрии за ее покровительство ему; Турки же в отношении как нас, так и Англии с Францией, держат себя безразлично и, наученные горьким опытом, никому, кажется, больше не верят, даже собственному правительству, как Египетскому так и Стамбульскому.

Что касается нашей торговли с Египтом, то она для нас гораздо менее выгодна чем для Египта, как показывают следующие цифры:

В пятилетний период, с 1874 по 1878 включительно, из России привезено в Египет на сумму 26.745.009 египетских пиастров²⁹, а вывезено из Египта в Россию за тот же период времени на сумму 235.992.529 пиастров. Стало быть разница в пользу Египта 209.247.520 пиастров; а переводя это на металлические рубли, получим вот что: ввоз на 1.671.813 руб., вывоз на 14.749.533 руб., разница в пользу Египта 13.077.970 руб., то есть сверх ваших товаров мы еще приплачиваем Египту более чем в 7 1/2 раз против их стоимости. Вывоз в Россию увеличился преимущественно в последние годы, потому что хлопок, который мы прежде покупали в Англии, идет теперь прямо в Россию чрез Одессу или Триест.

Таким образом, покупая этот продукт почти из первых рук, мы имеем на нем ту выгоду что не переплачиваем лишних денег английским посредникам, но все же разница между нашим ввозом и вывозом слишком еще велика, а между тем, она могла бы быть хотя и не совсем уравновешена, то все же значительно понижена если бы мы расширили круг предметов вашего ввоза, что вполне возможно.³⁰ Вся торговля между Египтом и Россией производится на паро-

²⁹ Египетский пиастр составляет немного более 25 сантимов.

³⁰ Для наглядности привожу перечень наших ввозимых и вывозимых товаров: а) Товары ввозимые из России в Египет: 1) *Пшеница* в 1874 году на сумму 5.213.550 египетских пиастров, а в 1878 году на 6.912.450 египетских пиастров, ввозится преимущественно для французского Общества паровых мельниц в Александрии и Каире. 2) *Мука* в 1876 году на 6.458.886 египетских пиастров; в 1878 году на 192.070 египетских пиастров. Вывоз муки из России уменьшается потому что предпочитают вывозить ее из Австрии. 3) *Сало* в 1874 году на 2.433 египетских пиастров; в 1878 году на 9.955 египетских пиастров. Вывоз сала из России мог бы быть сильно увеличен, так как в Египте в нем очень нуждаются, и из одной Англии его вывозится сюда на 1.600.000 египетских пиастров. 4) *Маис* в 1878 году на 95.190 егип. пиастр. 5) *Ячмень* в 1878 году на 64.765 егип. пиастр. 6) *Икра*, преимущественно, и некоторые седомые продукты и 1878 году на 4.952 егип. пиастр. Кроме этих произведений, *могли бы быть ввозимы* из России: 1) *животные* (лошади, быки, коровы). С 1864 до 1870 год ввоз этот был очень силен, но затем стал значительно уменьшаться, а с 1876 года и совершенно прекратился. Причина предполагается та что караманийские и корфиотские быки дешевле наших; наконец эпизоотия в Египте в последние годы прекратилась, а с тем вместе сильно уменьшилась и потребность в иностранных быках и лошадях. 2) *Янтарь* прежде вывозился из России, но теперь предпочитают австрийский и итальянский. 3) *Масло* (коровье) ныне вывозится из Италии, Австрии и Франции, но по мнению И. М. Лекса, наше, так называемое, сибирское масло могло бы найти хороший сбыт на египетских рынках. 4) *Дерево* прежде вывозилось из России; так, в 1874 году было ввезено сюда нами дерева на 1.216.124 египет. пиастр.; в 1876 и 1877 на 137.168 егип. пиаст.; теперь же ввоз совсем прекратился, а дерево вывозить стали из Австрии, Швеции, Норвегии и Италии. 5) *Каменный уголь* преимущественно вывозится сюда из Англии, но мы могли бы конкурировать с Англичанами нашим донским углем. 6) *Веревки* вывозятся преимущественно из Италии и Австрии, но могли бы с успехом вывозиться из России, так как по качеству наши считаются лучшими. 7) *Медные изделия* пробовали вывозить из России, но перестали, кроме самоваров, так как у нас не приноравливаются ко вкусу Арабов, и теперь все медные изделия ввозятся сюда из Англии. 8) *Железо* прежде вывозили из России, но с 1875 года перестали, и теперь оно ввозится преимущественно из Англии. 9) *Льняное семя* идет сюда преимущественно из Англии. Прежде вывозили его частью и из России, но с 1876 года почему-то перестали; между тем оно требуется в Египте в большом количестве. 10) *Котонады* вывозятся преимущественно из Англии. В 1874 году пробовали было привозить из России, но неудачно, так как наш товар этого рода был слишком дорог и не приноравился ко вкусу Арабов, но нет сомнения что при некотором понижении цены да при угодности местному вкусу, наши, например, Морозовские изделия с большим успехом могли бы конкурировать с английскими. 11) *Холст* вовсе не вывозят из России, но могли бы, в особенности грубых сортов, годных на паруса. 12) *Кожи* с 1874 года перестали вывозить от нас, а между тем требование на

ходах Русского Общества Пароходства и Торговли и на иностранных: австрийского *Ллойда*, французской *Messagerie Maritime* и наконец на частных торговых судах под иностранными флагами, так как собственно русских коммерческих судов, кроме принадлежащих Русскому Обществу Пароходства и Торговли, в последние годы в египетских портах вовсе не видно, тогда как до 1870 года в Александрийский порт и в Порт-Саид довольно часто приходили наши финляндские суда, с грузом английского угля. Но в последние годы пар совершенно вытеснил в Средиземном Море парус, почему и наши парусные суда в Египет более не приходят. Во внешней торговле с Египтом Англии одной принадлежит почти 70 %, потом идут Франция, Австрия, Италия, Германия, Россия, Соединенные Штаты, Индия, Япония, Греция и др. В 1874 году мы занимали шестое место во внешней торговле Египта; в 1878 заняли уже третье место, вслед за Англией и Францией, а с 1879 года второе; по ввозной же торговле пока все еще продолжаем занимать только восьмое место, а вышеприведенные данные, кажется, достаточно убедительно говорят что в этом отношении пора нам стать на более высокий нумер, так как в выборе предметов вашего ввоза есть к тому полная возможность.

15-го июля.

В десять часов утра поехали мы осматривать «Махрусу», яхту хедива, и для этой цели прибыли сначала в здание морского египетского управления, находящееся в порту, на берегу Западного рейда. Морской министр встретил нашего адмирала у подъезда управления и предложил ему своего адвоката в качестве проводника. У пристани ожидало нас два военных катера, под тентами, устланные на кормах богатыми коврами. Разместились мы в них и поплыли по заштилившим водам рейда. Оригинальная манера гребли у египетских военных матросов: взглядывая друг на друга, они все враз делают плавный медленный гребок и затем «сушат весла», выровняв их, как по струнке, в слегка приподнятом положении, между каждым гробком проходит шесть или семь секунд времени, когда катер скользит по воде сам собою, словно птица, парящая с неподвижно распростертыми крыльями. Эта манера гребли называется здесь «парадною» и употребляется только для оказания военно-морской почести. При-

них велико, и в настоящее время весьма много кож вывозится из Греции, вследствие их дешевизны. 13) *Петроль* вывозится преимущественно из Америки; но наша нефть, без сомнения, могла бы не только конкурировать с американским петролем, а и вовсе вытеснить его с рынка. 14) *Шелк* пр обовали вывезти из России в 1875 года на 48.000 егип. пиаст., но зятем почему-то вдруг перестали. 15) *Сахар* попробовали было ввозить от нас в 1874 году, но он не может конкурировать с дешевизной местного сахара, хотя по обработке несравненно лучше последнего. 16) *Ковры* пробовали вывезти с Кавказа в 1876 году на сумму 35.066 егип. пиаст., но потом почему-то перестали. Кроме всех этих произведений, могли бы с успехом вывозить из России: деготь, свечи (их ввозится в Египет на 6.000.000 егип. пиаст., преимущественно из Франции), прессованное сено, прессованную солому, соленую и копченую рыбу, балыки, золотую и серебряную бить для вышивок. б) Товары вывозимые из Египта в Россию: 1) *Хлопок* в 1874 году на 16.007.269 егип. пиаст.; в 1876 году на 23.819.736 егип. пиаст.; в 1876 году на 73.411.113 егип. пиаст.; в 1877 году на 80.144.732 егип. пиаст. (вывоз 1877 года уменьшился по случаю войны нашей с Турцией); в 1878 году на 91.802.681 егип. пиаст. В 1879 году точная цифра вывоза хлопка в Россию еще не была известна нашему консульству, но она сравнительно с прежними весьма повысилась, и увеличение это произошло оттого что с ноября 1879 года пароходы нашего Общества Пароходства и Торговли начали совершать прямые еженедельные рейсы между Одесой и Александрией. 2) *Фишки* в 1874 году на 98.081 егип. пиаст., а в 1879 году в 252.669 егип. пиаст. 3) *Сахар* в 1878 году на 7.611 егип. пиаст. 4) *Свинец и цинк* (старый) в 1878 году на 3.742 егип. пиаст. 5) Прочих товаров в 1878 году на 44.983 егип. пиаст. Кроме этих произведений могли бы быть вывозимы из Египта в Россию: 1) *Гумлиарабик*: тальк, саваким и собственно аравийский, вывозимые ныне в большом количестве в Англию, и попадающие к нам уже из Англии. 2) *Кофе*, которого в 1876 году было вывезено на 11.000 егип. пиаст. но потом перестали. Лучший кофе из Йемена, но он мешается в Египте с абиссинским и уже в этом виде идет в Европу, преимущественно в Турцию и Англию, а оттуда частью в Россию. 3) *Слоновая кость* идет к нам вся через Англию. 4) *Бобы* пробовали вывозить в 1874 году в 58.073 егип. пиаст. 5) *Фрукты и зелень* прежде вывозили, но с 1877 года, перестали. 6) *Страусовые перья* идут в Россию через Англию, а могли бы вывозиться с места. 7) *Ладан*, пр одукт Сенаара, продается собственно на Каирском рынке и почти сполна идет в Англию, откуда, между прочим, попадает и в Россию, между тем как для удовлетворения своих церковных потребностей мы могли бы закупить его в Каире сами. 8) *Сене* — аптекарское растение, натр, опиум, тамариск, шафран, черепаховая кость, перламутр и пр. Порты ввоза и вывоза для России суть преимущественно Александрия и отчасти Порт-Саид. Таможенные пошлины со ввозимых в Египет товаров взимаются, как и во всей Тураци по 8 %, с вычетом из оных 10 %, что составляет 7 1/5 %. Оценка товаров делается по цифре фактур представляемых в таможене, согласно с настоящею ценностью товара; но в случае протеста со стороны торговца, он может уплатить пошлину натурой или потребовать переоценки товара комиссией арбитров. Товары вывозимые из Египта платят 1 % с их ценности.

стали к правому борту яхты, которая представляет самое большое судно египетского флота: оно достаточно красиво в общем своем виде, хотя и несколько широко в поперечном разрезе. На верхней палубе встретили нашего адмирала командир судна, контр-адмирал Гамиль-паша и взвод почетного караула с военно-морским оркестром. Люди были одеты в белые матроски с широкими отложными воротниками алого цвета и в алых фесках, а на начальнике караула красовался расшитый шнурками и позументами жакет, скорее кавалерийского, чем морского характера. Все судно глядит щеголевато и устроено очень комфортабельно. На верхней палубе расставлено несколько салютационных орудий, но более серьезной артиллерии «Махруса» на себе не носит. На стенках, под мостиком и в коридорах составлены очень красивые арматурные медальоны из ружей, магазинов, кортиков, палашей и интерпелей. Но верх роскоши представляет собою вторая палуба, где находится помещение самого хедива, его салон, столовая, уборная, кабинет, спальня и ванная. Видно, что Измаил-паша, строивший «Махрусу», между прочим, для приема императрицы Евгении, не жалея, убил в нее сумасшедшие деньги. Гаремный отдел еще роскошнее; здесь вы встречаете на драпировках изумительные ткани, созданные по особым рисункам исключительно для «Махрусы», гобелены, бронзы, мозаики из редких сортов дерева, инкрустации из золота, серебра, перламутра, черепахи и слоновой кости, севры и саксы, – словом, все, что только могло придумать самое тонкое искусство современной индустрии в соединении с изящным вкусом и роскошью, не знающей меры деньгам. Никакой Клеопатре, конечно, и не снились такие триремы, как эта «Махруса», с такими «храмами сладострастия», как эти гаремные будуары. Кухня хедива, помещения для его свиты, кают-компания для судовых офицеров, командирская рубка, жилая палуба для команды, машинное отделение, – все это не только комфортабельно, но изысканно роскошно. Не забыты изящной отделкой даже стойла для хедивских лошадей. Пока мы осматривали и любовались, переходя из одного помещения в другое, оркестр на верхней палубе, не переставая, наигрывал арабские мелодии, которые мне очень понравились своей оригинальностью: в них есть что-то порывистое, щемящее грустью и какая-то лихорадочная нервность. Осмотр окончился командирской рубкой, где нам предложили угощение разными сладостями и кофе, а Гамиль-паша в это время, при помощи нашего переводчика Менотто, сообщал адмиралу разные сведения о египетском флоте. Впрочем, те же самые сведения, только гораздо полнее, получили мы еще ранее от нашего консула.

На основании фирмана³¹ Порты, Египетское правительство не имеет права владеть броненосными судами. Во избежание увеличения бюджета, здешнее морское министерство держит в плавании только мелкие суда, стоящие в разных портах Красного моря, что, конечно, не требует больших расходов. Более крупные суда, снаряжение коих в плавание обошлось бы дорого, стоят наполовину только вооруженные на Александрийском рейде, и на них находится лишь самое необходимое число команды собственно для поддержания на судах чистоты и порядка. По бюджету морского министерства на 1880 год, было определено число всех военно-судовых команд в размере 25 % полного комплекта, так что в случае надобности пришлось бы дополнять их новобранцами. Вся численность морских команд при комплекте доведена здесь до 3152 человек; в настоящее время при сокращенном бюджете считается налицо всего 800 человек.

Для образования рулевых, комендоров, машинистов и прочего нет никаких учреждений. Все они, так же как и унтер-офицеры, вырабатываются временем и службой на судах военных и на пароходах общества «Хедивие»; в кочегары же и машинисты берутся преимущественно иностранцы. Образование морских офицеров предоставлено также на произвол судьбы. Морского училища не имеется, учебных судов тоже. Некоторые офицеры получают образование

³¹ Фирман (*перс.*) – указ шахов Ирана, султанов Османской империи, других государей в странах Ближнего и Среднего Востока.

в Англии и Франции, но большинство приобрело себе офицерский чин, обладая лишь самой слабой подготовкой. Кораблестроение здесь неизвестно, так как все суда, даже самые мелкие, строятся в Англии и Франции и исправляются там же. Хотя имеется хороший плавучий док, приведенный из Англии, но он служит только для очистки и окраски подводных частей судов и для самых мелких исправлений. Впрочем, размеры этого дока таковы, что он поднимает «Махрусу». Египетский военный флот состоит из десяти судов разного размера, на них общее число орудий – 132 различных систем. Общая вместимость судов равняется 12 645 тоннам; самое большое судно имеет 3 924 тонны, а самое мелкое 288 тонн.

По возвращении домой наш адмирал с супругой и все лица его штаба получили приглашение на завтрашний день на обед к хедиву. Приглашение это сообщено адмиралу через церемониймейстера Тонино-бея.

16 июля.

Желая видеть строевые занятия здешних войск, я отправился рано утром на восточную окраину города к казармам пехотного полка, находящимся непосредственно у сухопутных городских верков. Батареи этих верков, скажу мимоходом, вооружены весьма плохо: старинные чугунные пушки, конечно, не представят ни малейшего сопротивления противнику, вооруженному нарезной дальнобойной артиллерией. Тем не менее, военное министерство, кажется, рассчитывает на их защиту, потому что иначе незачем было бы обучать на этих орудиях артиллерийскую прислугу боевым приемам, по всем правилам отжившего устава. На плацу я застал уже пехотный батальон, выведенный на ученье. Вид чернолицего строя в красных фесках, одетого в белые куртки и широкие панталоны с гамашами, был красив и на первый взгляд производил действительно военное впечатление, но, приглядевшись к нему поближе, пришлось несколько разочароваться. Народ молодой, но жидкий и не столько рослый, сколько долговязый; выправка неудовлетворительна, и люди глядят как-то сутуловато, от арабской привычки гнуть вперед шею; во фронте мало тишины: после команды «смирно» в рядах все-таки продолжают кое-где перекидываться неоконченными разговорами; унтер-офицеры делают поправки и замечания слишком громко, и рядовой нередко возражает на обращенное к нему замечание унтера; иной солдат почешется, другой поправит на себе сумку или феску, а обучающие офицеры, по-видимому, пропускают все это без малейшего внимания и продолжают себе покуривать папироски. Судя потому, что я видел, мне кажется, строевые занятия идут здесь спустя рукава, и хотя обучение ведется по прусскому уставу, но я думаю, что любой бранденбургский фельдфебель пришел бы в ужас, увидев такую профанацию своей «строевой святыни». Впрочем, корпус офицеров здесь очень плох: субалтерны³² из туземцев не имеют почти никакого военно-образовательного ценза и производятся в офицерский чин, в наилучшем случае, за усердие к делу службы, исполнительность и расторопность или же за беспорочную выслугу в унтер-офицерских должностях известного числа лет, а в большинстве случаев просто по проекции того или другого паши, которые нередко выводят в офицеры даже своих конюхов и лакеев. Командирские же должности заняты преимущественно всяким сбродом из европейских авантюристов. Здесь найдете вы англичан, австрийцев, французов и итальянцев, по большей части вышвырнутых за борт из армии своего отечества. Эти господа, по преимуществу, любят «жуировать» жизнью и заботятся не столько о своем прямом деле, сколько об «урывании лишних кусков», благо Исмаил-паша не скупился для них на подачки. Военная школа в Каире, где профессорствуют европейцы, в особенности же американцы и немцы, только в последнее время начала выпускать в ряды египетской армии молодых офицеров со сколько-нибудь сносным военным образованием, и надо думать, что со временем они поставят обучение и дисциплину своих войск на надлежащую ногу. Египетские регулярные войска состоят

³² Субалтерн – младший командирский чин (сержант), а также младший офицерский чин в ротах, батареях некоторых иностранных армий.

из восемнадцати полков пехоты, четырех стрелковых батальонов, четырех полков кавалерии, четырех полков артиллерии, десяти рот негров и двух эскадронов бедуинов на дромадерах³³. Все это в общей сложности составляет около 18.000 человек, но в мирное время, ради сокращения бюджета, едва достигает до 15.000. Кроме того, имеются кадры еще на 30.000 человек и войска иррегулярные. В состав сих последних входят арабские конные контингенты пустыни до 50.000 человек и 5.000 человек пехоты, выставляемой Суданом.

Египетский регулярный пехотный полк делится на четыре баталиона, каждый баталион на восемь рот, в каждой роте 80 человек в мирное и 100 человек в военное время; но этот состав существует только на бумаге, а в действительности он втрое менее. Военная служба с конца 70-х годов сделалась обязательною для всех египетских подданных, не исключая христиан и Евреев; но в ней допускается замещение, вследствие чего ряды пополняются исключительно бедными классами населения. Сверх того, в силу старинных привилегий, дарованных еще султанами, население Каира и Александрии вовсе не привлекается к военной службе. Каждая провинция должна поставлять известное число новобранцев, набор коих вполне предоставляется усмотрению местных гражданских властей, обязанных во что бы то ни стало поставить требуемую цифру. Срок службы двенадцатилетний, причем на действительной службе полагается, пробыть пять лет и в запасе семь лет; но в мирное время солдаты обыкновенно зачисляются в запас после трех лет службы. Пехота вооружена Ремингтоновскими ружьями, а полевая артиллерия орудиями Круппа. Обмундирование и снаряжение войск не уступают европейским, и как содержание, так и все предметы довольствия выдаются всем чинам исправно. Обучение первоначально производилось по французским строевым уставам, но с 1871 года предпочтен устав прусский.

4 апреля 1877 года между Англией и Египтом был заключен договор, имевший целью уничтожить торговлю невольниками и тем самым дававший Англичанам косвенный, но довольно растяжимый предлог ко вмешательству во внутренние дела Египта. Вскоре по заключении этого договора, по требованию Англичан, был сформирован особый полк башибузуков, предназначенный исключительно для прекращения торговли невольниками. Командиром сего полка назначен был итальянский подданный граф Сала, а его помощником – австрийский полковник Турвейзен. Район действий башибузуков графа Сала простирается от Каира вверх по Нилу до Ассуана, главная квартира в Ассиуте. Постами сего лодка заняты все дороги ведущие из Дарфура в Египет, именно оазисы в Ливийской пустыне, и путь ведущий чрез Синай в Триполи. Башибузуки делают свое дело исправно: арестуют невольничьи караваны, освобождают невольников из колодок и доставляют их в Ассиут к графу Сала, который в то же время состоит и главным директором Освободительного Агентства. Освобожденные невольники отправляются под конвоем башибузуков в Каир и там уже «отпускаются на свободу», то есть, разделяются между пашами и беями, которые в свою очередь раздаривают их своим подчиненным, а те продают их за деньги либо частным лицам, по знакомству, либо тайным скупщикам «живого товара», который из Египта выпускается уже свободно в пределы Аравии или на суда ведущие тайную торговлю невольниками в Персидском заливе. Делается все это в силу того же Освободительного Англо-Египетского трактата, в одной из статей коего поставлена на вид невозможность будто бы отсылать невольников обратно на их родину, – именно третья статья сего трактата гласит что «в виду невозможности отсылать невольников обратно по домам, допускается *дарить их*». В переводе на обыкновенный язык это значит – конфисковать контрабанду для того чтобы раздарить ее своим знакомым, или самому продать, а при случае, с выгодой. Дипломатов Беконсфильдовской школы менее всего можно обвинять в недостатке предусмотрительности и, стало быть, вводя в трактат такую статью, они не могли не предвидеть что «освобождение» в этом случае будет только переменной формы рабства. Но для чего им понадобилось

³³ Дромадер – одногорбый верблюд.

все это фарисейское лицемерие – Господь их знает! Разве для того чтобы действительно приобрести лишний повод вмешательства во внутренние дела Египта.

* * *

Возвращаясь с учебного плаца, на большой улице встретил я хедива в коляске, экспортируемой несколькими кавалеристами. Она подкатила к подъезду школы Измаилие, и хедив, спрыгнув на землю, быстро скрылся в распахнутых дверях. Он приехал один, без генерал— и флигель-адъютантов, и не в форменном костюме, а просто в европейском черном сюртуке и вишневого феске, безо всяких внешних знаков отличия. Я с моим гидом зашел узнать, по какому случаю приехал хедив в школу. Оказывается, экзамены.

– Можно войти?

– Сколько угодно, экзамены производятся публично.

Мы тихо вошли и скромно сели на задней скамейке за учениками. Хедива, очевидно, здесь не ждали, потому что ни министра народного просвещения, ни кого-либо из начальствующих лиц, кроме экзаменационной комиссии, налицо не оказалось. Министр прибыл уже несколько позднее, в полной парадной форме. Без сомнения, ему сию же минуту дали знать о приезде хедива, и он поспешил сюда, видимо, в переполошенном состоянии духа. Вслед за министром появились и еще какие-то почетные и начальственные лица в расшитых золотом мундирах и во всех регалиях. Хедив, между тем, сидел со сложенными на груди руками, откинувшись на спинку кресла, рядом с председателем экзаменационной комиссии и с благодушной терпеливостью выслушивал учеников, изредка кивая головой и приветливо улыбаясь на более удачные и бойкие ответы. Иногда он и сам предлагал ученику какой-нибудь вопрос, и когда тот несколько конфузился, то хедив, видимо, старался ободрить и поощрить его своим простым приветливым обращением и благосклонною улыбкой. Он провел здесь более часа, и когда поднялся с места, чтобы выйти из залы, то вслед за ним хлынула вся толпа учеников и экзаменаторов, начальство школы и почетные лица с министром. Объявлен был перерыв экзамена до четырех часов пополудни, и через пять минут по отъезде хедива шумная школа почти совсем опустела. В зале осталось только три-четыре ученика, сосредоточенно углубившиеся в свои книжки. Вслед за другими направился было к выходу и я, как вдруг на площадке парадной лестницы ко мне подошел европейский педагог – как оказалось потом, инспектор заведения – и любезно осведомился: не иностранец ли я приезжий. Узнав, что я русский и что привел меня в эту школу интерес к делу египетского просвещения, он еще любезнее предложил мне осмотреть все заведение и сам повел меня по классам и кабинетам. Школа Измаилие помещается в хорошем, просторном каменном здании, устроенном соответственно всем требованиям современной педагогики и гигиены, и организована во всех отношениях по-европейски, в типе всем нам более или менее знакомом, а потому много распространяться я о ней не стану. Скажу только, что учебными пособиями снабжена она прекрасно, и заведывание в ней учебной частью отдано в руки европейских педагогов. Но здесь, полагаю, кстати будет сообщить несколько сведений о состоянии народного просвещения в Египте, сведений которыми я обязан все тому же И. М. Лексу.

Хотя уровень образования в туземном населении и несравненно ниже чем в Европе, но из всех стран Востока Египет все же занимает первое место по степени образования, в коем он сделал большие успехи, особенно в последнее время.

Первым насадителем общественного образования в Египте был Мехмед-Али, дед нынешнего хедива, но правильное устройство получило оно только во время управления Измаил-паши, который переформировал старые школы и устроил множество новых на современных началах. В настоящее время общественное образование распространено по всему Египту, но более всего обращают на себя внимание школы при мечетях в Танте и Александрии.

дрии, а также знаменитая школа *Эль-Азхар* в Каире, где в иные годы число студентов доходило до десяти тысяч человек. Кроме этих трех, не менее заслуживают внимания женские школы *Суфие* и *Керабие*; школа *Хедивие* для слепых и муниципальные школы в Каире, Александрии, Розетте, Бейхе, Таите, Бени-Суэфе, Ассиуте и пр.

Из числа гражданских школ Каира и Александрии на иждивение правительства содержатся: политехническая школа, школа счетоводства и межевания, школа правоведения, приготовительное училище, школа искусств и ремесл, медицинская и фармацевтическое училище, начальная школа, училище иностранных языков и школа акушеров (как видите и здесь не без них!).

В 1878 году первоначальных школ во всем Египте засчитывалось 5.870 и в них 137.545 учащихся. По числу жителей, одна школа приходится на 1.026 человек, а учеников на 100 человек = 2,49.

Чтобы показать движение образования во время управления Измаил-паши, не лишним будет упомянуть что в 1872 году во всем Египте насчитывалось только 2.696 первоначальных школ с 82.256 учениками; стало быть за пять последующих лет прибавилось 2.674 школы и 55.289 учащихся.

Первоначальные школы здесь двух родов: в одних, которые составляют большинство или преобладающий тип, учат читать и писать по-арабски, арабской грамматике, арабской каллиграфии, турецкому языку и арифметике; в других же, сверх этих предметов, преподают еще французский или английский язык, европейскую каллиграфию, географию и историю. В муниципальных школах образование дается уже в бо льших размерах; там преподают арабскую грамматику и каллиграфию, турецкий, французский и английский языки, арифметику, алгебру, геометрию, географию, историю, рисование и черчение, Коран и его толкования. Этих школ всего только двадцать четыре, а именно: в Каире семнадцать, в Александрии две и в остальных провинциях пять. Все они были учреждены Измаил-пашой, и в них считается теперь 3.000 учеников. Правительственные гражданские школы, где дается высшее образование, все, кроме александрийской *Измаилие* (более приготовительной), находятся в Каире. Из одиннадцати школ этого разряда, девять были учреждены Измаил-пашой. Во всех одиннадцати воспитывается теперь более 1.000 человек. Школ при мечетях (медресе) всего три: одна в Каире, *Эль – Азхар*, в которой преподают 231 профессор и учатся 7.695 студентов; другая в Танте, *Ахмади*, с 4.385 учащимися, и третья в Александрии *Ибрагим-паша* с 312 учащимися. Всего в школах-медресе, дающих высшее мусульманское образование, обучаются 12.845 человек. Школа для слепых учреждена Измаил-пашой в 1874 году. В ней 46 учащихся (36 мальчиков, 10 девочек). Женских школ всего две, обе в Каире. Одна из них, *Суфи*, основана в 1873 году женой хедива Измаил-паши, и в ней находятся 248 учениц; другая, *Кераби*³⁴, учреждена правительством в 1875 году и воспитывает 142 ученицы. Всего, значит, получают общественное образование в Египте только 390 девочек.

Кроме вышеисчисленных, собственно мусульманских школ, в этой стране есть еще 152 школы иностранных и разных религиозных обществ, где воспитываются 7.622 мальчика и 4.625 девочек, всего 12.247 человек, из которых только 654 находятся в интернатах.

Таким образом, школ всех категорий в Египте 5.562 и в них учащихся 167.175 человек.

Что до ученых обществ, то их тут два: Египетский Институт в Александрии и Хедивинское Географическое общество в Каире, но оба в упадке. В Каире же существуют весьма интересная для ориенталистов Публичная библиотека, учрежденная Измаил-пашой, и Египетский музей, директор коего, известный ученый, Мариетт-паша, заведывал и археологическими расколками; но с 1879 года все работы этого рода приостановлены за недостатком средств.

³⁴ Ныне уже покойный.

Относительно периодических изданий должно заметить, что в Египте издаются 27 газет и журналов, из коих 7 арабских, 1 арабо-турецкий, 1 арабо-французский, 1 арабо-франко-итальянский, 9 французских, 3 греческих и 5 итальянских. Почти все они выходят в Каире и Александрии. Всего печатается номеров: ежедневных газет 238.102, выходящих два раза в неделю 12.293 и еженедельников 34.505.

Таковы-то, вообще, итоги египетского просвещения.

КЛОЧОК ЕГИПТА

Александрийский базар. – Вид на Нильскую равнину. – Характер европейских кварталов и «Place de Consulats». – Обед у хедива. – Веселая процессия. – Каковы здешние квартиры. – Коллекция африканских вещей у господина Менотто. – Гостиная в египетском вкусе. – Сноровки здешних продавцов редкостей и древностей. – Александрийские «трущобы». – Альме и их танцы. – «Пчелка». – Мусульманская свадьба. – Отъезд из Александрии. – Озера Абукир и Мариут. – Вид страны и характерные особенности ее пейзажа. – Агрикультура и сельские жилища. – Кладбища. – Одежда жителей. – Как путешествуют гаремные дамы. – Африканская растительность. – Экономическое состояние страны и причины ее финансового упадка. – Железнодорожные порядки. – Древний пресноводный канал. – Пустыня и знойный ветер. – Город Измаилие. – Дача Лессенса на Суэцком канале. – Серапеем. – Соленые озера. – Корабли океана и корабли пустыни рядом. – Суэц. – Оригинальный обед в русском консульстве. – несколько сведений о Суэце и о русских паломниках. – Провинциальная администрация в Египте и парламентские комедии экс-хедива. – Арабский клуб в Суэце. – Слепой рапсод и ход арабских музыкантов. – Братья-ревуньи или гуки и их религиозные радения. – Образчики английского «уважения» к обычаю и праву. – Базар в Суэце. – Общий вид с Суэцкого рейда. – Мое «до свидания» Египту.

Продолжение 16-го июля.

Из школы «Измаилие» проехали мы на базар арабского города. Воображение мое еще на пути к нему рисовало мне всю роскошь, все краски, все узоры и оригинальное изящество искусных произведений Востока, какие надеялся я встретить на Александрийском базаре, и я уже заранее смирял в себе жажду приобретения предметов искусства и хорошего оружия. Я внутренне приуговаривал себя к воздержанию от предстоящих мне соблазнов и думал, что предомно вот-вот сейчас предстанет нечто, по меньшей мере, вроде стамбульского безестена³⁵. Но представьте же себе, какое разочарование!.. За весьма и весьма немногими исключениями, здесь не нашлось ровно ничего достойного внимания по своим достоинствам, по старине или по оригинальности вкуса и исполнения. Лавки наполнены европейскими, преимущественно венскими, подделками кальянов и прочих «восточных» вещей (и вдобавок преплохими подделками), да заурядными стамбульскими чубуками и глиняными трубками, немецкими зеленноватыми олеографиями, изображающими, вопреки запрещению Корана, гаремные сцены и полногрудых турчанок, французскими бархатными коврами с шаблонным изображением араба на белом коне и английскими тканями, якобы в «восточном вкусе». Европейская индустрия проникла всюду и на все наложила свои фабричные клейма. Патентованный станок и автоматически работающая машина отовсюду вытеснили человеческую, художнически-производящую руку, а вместе с тем убили и личную идею, личный вкус, личное искусство мастера, душу убили. То, что прежде ценилось именно как личное и нередко единственное произведение такого-то мастера, теперь встречаете вы в сотнях, тысячах, десятках тысяч фабричных «экземпляров», вышедших из-под одной и той же машины и как две капли воды похожих друг на друга. Распространите вы самую лучшую, самую изящную вещь в бесчисленном множестве экземпляров – и, в конце концов, она вам так намозолит глаза, что смотреть на нее станет противно. Это то же, что заигранный на шарманках прекрасный мотив или что олеография с хорошей картины, какой всякий по дешевой цене может «украсить» свою комнату. Разумеется, что кому нравится, и индустрия в этом случае отвечает только на спрос, вульгаризируя и низводя до всеобщего рыночного равенства и общедоступности аристократизм личного искусства. Каюсь

³⁵ Безестен, безестан – арабский (персидский) базар.

чистосердечно, в этом отношении я вовсе не поклонник современной индустрии, и как ни будь хороша олеография, никогда не «украшу» ею моего кабинета. Поэтому мне столь же противны и все европейские издания «в восточном вкусе».

Произведений местного гения, местного искусства, вовсе не нашел я на Александрийском базаре. Тут были сундучки и шкатулки с перламутровыми и иными инкрустациями, но это произведения Индостана; было кое-что из медно-чеканной утвари и кое-какие ковры, но и то и другое доставлено сюда из Персии, из Закавказья, из Туркменских степей, и притом цены на все эти предметы так безобразно дороги, что русскому любителю покупать их здесь нет никакого расчета: в «восточных магазинах» Петербурга и Москвы такие вещи всегда можно достать вдесятеро дешевле.

А вот чего совсем уже не ожидал я здесь встретить, так это наших русских самоваров, которые в лавках медных изделий целыми рядами красуются на полках, и говорят, что среди туземного населения расходятся они недурно. Обстоятельство это надо приписать тому, что чай, благодаря англичанам, все более и более начинает входить здесь в употребление.

Зашел я также в одну лавчонку *bric-a-brac*, в надежде не выужу ли в ней чего подходящего, но – увы! – нашел только европейскую подделку (из цинка) древнего оружия в восточном вкусе, а остальное все хлам, не стоящий никакого внимания. Есть здесь также несколько лавчонок, торгующих, между прочим, и египетскими псевдодревностями. Тут найдете вы очень искусно подделанные вещицы из обожженной и необожженной красной и белой глины в форме флакончиков, слезничек, лучерн и маленьких мумиек (последние большей частью облиты голубой поливой), а также бронзовых божков: Изиды, Озириса, Сераписа и прочих.

Как египетские сувениры их можно, конечно, приобрести несколько штук, но, приобретая, отнюдь не следует верить продавцам, которые непременно станут вам клясться, что это все действительно древние вещи, найденные в пирамидах: такие древности превосходно подделывают во Франции и доставляют в Египет для сбыта доверчивым туристам, а глиняные вещицы отчасти производятся и на месте, преимущественно итальянскими лепщиками. Но цены за них запрашивают безобразные, и новички нередко попадают на эту удочку в том убеждении, что если дорого, значит – настоящее.

Итак, уехал я с александрийского базара вполне в нем разочарованный, приобретя лишь несколько фотографических снимков с местных видов и типов; но и это нельзя сказать, чтобы стоило дешево: смотря по величине, от одного до двух франков за снимок. Вообще с приезжего здесь все и повсюду стараются сорвать как можно больше. О добросовестности со стороны продавца забудьте и думать: ее не встретите вы ни в убогих лавчонках, ни в блестящих магазинах с зеркальными стеклами; сдерут и надуют везде совершенно одинаково.

В половине четвертого часа дня, когда жара уже несколько спала, захватил я совершенно приличного по внешности гида, «господина Себастуло», и поехал с ним в открытом фаэтоне прокатиться опять на каналы, а потом по европейским кварталам города, чтобы ознакомиться с ними поближе. Приехали мы на канал рано, когда обычной публики на набережной еще не было, и это дало мне возможность приглядеться несколько к местности, открывающейся из-за деревьев набережной по ту сторону канала. Местность эта представляет совершенно плоскость как стол, и на ней верст на двадцать в поперечнике разливается мелководное, плоскодонное озеро Мариут, на отмелях которого вдали виднеются, как белые рати, большие стаи всякой водяной птицы: пеликанов, журавлей и цапель, марабу и фламинго.

Горизонт этой местности, благодаря необычайно прозрачному воздуху отодвигается на изумительно громадное расстояние, так что со своего относительно высокого пункта наблюдений вы ясно видите уходящую вдаль полосу Нила и, по уверению гида, можете, если захотите, чуть-чуть различить в серебристой воздушной дымке даже легкий абрис чего-то вроде пирамиды. По крайней мере, мой гид божится, что оно так, и когда я выразил ему сомнение: может ли это быть, не другое ли что-нибудь там виднеется, на том основании, что по прямой (воздуш-

ной) линии от Александрии до пирамид считается около ста семидесяти верст, то гид стал не только клясться, что это воистину видна верхушка пирамиды Хеопса и что я могу справиться об этом у кого мне угодно, но даже слегка благородно оскорбился на меня: неужели де подозреваю я, что он, Себастопуло – «знаменитый Себастопуло» – позволит себе так эксплуатировать доверие именитых путешественников и тем подрывать собственную репутацию, которая ему как честному гиду дороже всего на свете, так как он, во-первых, православный христианин (в удостоверение чего даже перекрестился), а во-вторых, имел честь служить в качестве гида принцу такому-то, князю такому-то, герцогу такому-то, лорду такому-то, и пошел, и пошел без конца высчитывать по пальцам и сыпать ослепляющими именами. Надоел он мне, впрочем, жестоким образом своею амбициозностью, а главное поучающим тоном своих объяснений и этим вечным сыпаньем и не кстати титулованными именами, так что я закалялся брать вперед «благородных» гидов, которые при случае надуют вас точно так же, как и «неблагородные», но всегда уже норовят усесться в коляске рядом с вами, вместо того, чтобы лезть на свое место на козлах, и делают это еще с таким видом, как будто не вы им, а они вам оказывают одолжение. Вскоре подъехали сюда В. С. Кудрин и еще кое-кто из наших, так что я, воспользовавшись этим, поспешил сунуть в руку «благородному Себастопуло» приличный гонорар и отпустил его на все четыре стороны.

Европейские кварталы города или «Новая Александрия» выстроены, что называется, «по плану» и представляют ряды продольных и поперечных проспектов и улиц, прямых и достаточно широких, вымощенных тесанной плитой, нарочно заказанной в Триесте, причем каждый камень (толщиной в 20 сантиметров) обошелся городу в четыре марки. Эти улицы обставлены высокими, преимущественно сероватыми каменными домами в четыре и пять этажей с балконами, фонариками и роскошными подъездами; но, как местную особенность, следует отметить, что у всех этих домов кровли исключительно плоские, нередко с устроенными на них цветниками и навесами вроде балдахинов, а на окнах непременно зеленые жалюзи и сверх того иногда маркизы или полосатые длинные шторы. Нижние этажи представляют почти непрерывные ряды вывесок и магазинов с зеркальными стеклами, за которыми выставлены всевозможные европейские товары. Местами и уголками этот город отчасти напоминает нашу Одессу, да и в характере его подвижной, кипучей деятельности и разноплеменной толпы тоже есть нечто схожее с ней: некоторые улицы обсажены аллеями деревьев, преимущественно белой акацией, что также дает им сходство с Одессой. Местами, вместо изгородей, попадаются заросли громадных местных кактусов и алоэ; местами, из-за белых глинобитных заборов, гибкие пальмы слегка склоняют над улицей свои кроны; плющи, виноград и павой кое-где ползут по стенам и верхам заборов. Там и сям встречаются небольшие площадки, украшенные маленькими скверами с вечно зелеными тропическими растениями, красивыми клумбами, на которых пестреют роскошные душистые цветы. В сквере непременно устроен бассейн или бьет фонтан, освежая воздух и листву соседних с ним деревьев. На площади Консульства устроен обширный бульвар и сквер с такими же цветниками, чугунными решетками и мраморными скамейками. Там, по середине сквера, возвышается на красивом пьедестале бронзовая статуя Мехмед-Али в натуральную величину, а рядом с нею, в красивом открытом киоске, ежедневно с пяти до девяти часов вечера играет оркестр военной музыки. Площадь обстроена прекрасными многоэтажными домами, где сосредоточены банкирские конторы, лучшие магазины, гостиницы и рестораны. Это самое бойкое место европейской части города, всегда, кроме «мертвых часов», полное народом, а в особенности по вечерам, во время музыки, когда на площадь Консульства стекается подышать воздухом почти все местное европейское население. Вечером обыкновенно в полную силу пускаются фонтаны, весь город освещается газом, и тогда на бульваре действительно очень приятно бывает и отдохнуть и прогуляться под звуки оффенбаховских и лекоковских мотивов, наигрываемых чистокровными арабами (что делать, оффенбаховщина проникла и к арабам, на то и цивилизация!); но ваш отдых, к сожалению, ежеминутно отрав-

ляется назойливыми приставами нищих и разных мальчишек и девчонок, требующих с вас за что-то бакшиш, а еще более – теми подозрительными личностями в потертых пиджаках, которые таинственным полусшепотом предлагают вам свое содействие к интересному знакомству с «одной дамой из гарема» или с «*unapricipessa di Torino*».

С нашей прогулкой по городу мы чуть было не опоздали на обед к хедиву, впрочем, в силу совершенно случайных и мало зависящих от нас обстоятельств.

Вернулись мы домой впору, то есть как раз настолько, чтоб успеть переодеться во фрак и ехать. Но тут-то вот и случился непредвиденный казус: у некоторых из нас, в том числе и у меня, не оказалось светлых лайковых перчаток. Товар, казалось бы, такой, что можно смело рассчитывать достать его в любом городе, но не тут-то было: светлых перчаток (можно ли этому поверить!) во всей Александрии не нашлось ни одной пары. Хватились мы о них уже тогда, когда стали одеваться, и, кликнув отдельного комиссионера, поскорее послали его в магазин принести нам несколько пар на выбор. Через четверть часа комиссионер вернулся и объяснил, что обегал все лучшие магазины, но светлых мужских перчаток не нашел ни в одном. Вот-те и на! Что тут делать!? Те перчатки, что были на нас при первом визите к хедиву, уже позапачкались, а без перчаток неудобно. Как же быть?!

– Вот-те и Александрия!.. А еще столицей называется! – досадливо издевался мой сожигатель. – Это бы в Петербурге у нас не найти лайковых перчаток! Скажите пожалуйста!.. Да не то что в Петербурге, а в каждом захолустье, в Бежецке, в каком-нибудь Весьегонске и то, наверно, отыщете, а тут, на-ко! «мировой город!»..

Но вывел наших затруднения А. П. Новосильский, сразу разрубивший Гордиев узел.

– О чем вы сокрушаетесь! – пожал он плечами. – Офицерские-то ваши перчатки, замшевые, есть у вас? Ну так и надевайте их, с Богом! Кто там станет еще разглядывать, какие они такие, лишь бы на руках белело!

И точно: послушались мы доброго совета, и дело сошло отлично.

Обед был назначен в половине седьмого, и мы выехали из дому впору, но тут случилось новое приключение; наше ландо значительно отстало от других экипажей, и дурень арабаджи, вероятно, новичок в своем деле, повез нас совсем не теми улицами, какими следовало. Колесил, колесил он по каким-то кривым и косым переулкам арабского города и, наконец, вместо Расельтинского дворца привез нас в коммерческий порт, где мы чуть было и совсем не застряли, так как порт отделен от остального города сплошной стеной, в которой только двое ворот, обыкновенно запираемых на ночь, начиная с шести часов вечера. Одни из ворот были уже закрыты, и мы так в них и уткнулись, но, к счастью, арабаджи догадался повернуть поскорее назад, чтоб успеть выскочить вон из порта, пока другие ворота еще открыты. Мы еле-еле успели подъехать к ним как раз в тот момент, когда таможенные досмотрщики совсем уже смыкали их створы. Тут новая история: досмотрщики не хотят пропускать арабаджи, торгуются с ним, ругаются, галдят, намереваются чинить у нас обыск и настойчиво требуют бакшиш за пропуск. Пришлось выбросить им сколько-то мелкого серебра, и то слава Богу, хоть этим отделались!.. Но тут опять беда: арабаджи решительно не знает, куда ехать.

– Рас-эль-Тин... Рас-эль-Тин-хедив!.. – внушаем мы ему настолько вразумительно, насколько могут внушать люди, ни слова не говорящие по-арабски.

– Рас-эль-Тин, Рас-эль-Тин... Эге, Рас-эль-Тин! – бессмысленно повторяет в ответ нам извозчик и продолжает без толку плутать по косым и кривым переулкам.

Мы уже совсем было отчаялись попасть на обед к хедиву, из-за чего, без сомнения, вышла бы большая неловкость, но, к счастью, повстречались нам на дороге двое египетских офицеров. Россель, стремительно ухватясь за вожжи, остановил лошадей и с помощью английского языка обратился к ним с просьбой растолковать извозчику дорогу. Слава Богу, те уразумели, наконец, в чем дело и направили нашего возницу на путь истинный. Он погнал лошадей, и мы поспели

во дворец как раз в последний момент перед выходом хедива. Еще одна минута, и было бы уже поздно.

Кроме С. С. Лесовского с супругой и его штаба, к обеду были приглашены еще И. М. Лекс и члены местной русской колонии с их дамами, а также высшие чины египетского морского ведомства. Обеденный стол был накрыт в небольшой зале, освещенной по углам четырьмя громадными хрустальными канделябрами с целыми клубами свечных огней, а по середине – большой люстрой, унизанной разноцветными хрустальными подвесками, которые светились и играли миллионами искр, как самоцветные камни. Но более всего в этой комнате замечателен ее пол из какого-то темного дерева с деревянными же инкрустациями: полировка шашек доведена до такого совершенства, что мы сначала приняли было его за яшмовый. Стол был сервирован по-европейски и притом с большою роскошью. На нем красовались серебряные группы, хрустальные плато, наполненные прекрасными фруктами, японские вазы под массивными букетами прелестных и редких цветов. Хрусталь, фарфор и серебро – все это было представлено с большим артистическим вкусом.

Хедив, на котором были надеты русские ордена, вел к столу Екатерину Владимировну, а С. С. Лесовский жену доктора Шписса, состоящего при нашем консульстве. Затем тут были еще две-три русские дамы. В состав меню изобильного и длинного обеда входили все деликатесы, какими только могут похвастаться фауна и флора Египта, так что обед этот, приготовленный мастером кулинарного искусства, носил, если хотите, чисто местный характер. Дресировка прислуги замечательная: все ее дело около стола совершалось в величайшей тишине и отменном порядке, ловко, быстро, предупредительно. В начале и в конце обеда музыкальный хор гвардейских зуавов, поставленный во дворе под окнами столовой, исполнял русский народный гимн, который повторялся потом и в момент нашего отъезда. Словом, хедив задал нам обед на славу и до конца был самым любезным и внимательным хозяином.

На обратном пути, едучи по арабскому городу, нагнали мы какую-то веселую процессию, которая на несколько секунд задержала наше движение. Толпа мужчин и мальчиков шла с фонарями и свечами, напевая веселую песню под аккомпанемент арабской музыки: скрипок, торбанов, дудок, треугольников, тарелок и бубнов. Впереди несли какой-то круглый поднос или лоток, покрытый большим и высоким прозрачным колпаком из розового тюля с длинными ниспадающими концами. Под колпаком горели на подносе маленькие свечи и лежали букеты цветов, разные сласти и какие-то подарочные вещи. Сколь ни объясняли мы нашему арабаджи, что надо остановиться (очень уж хотелось посмотреть, что это за процессия), но он, к сожалению, не догадался о значении обращенных к нему экспликаций и на требование о том Росселя, выраженное жестом, вынул из кармана и подал ему бумагу для свертывания папирос, а сам погнал лошадей далее. Так мы и не узнали, в чем тут дело, но, по-видимому, это было что-нибудь вроде перенесения свадебных подарков.

17-го июля.

Утро прошло в хлопотах по случаю завтрашнего отъезда, да в упаковке моего смиренного ковра, а затем я сидел в канцелярии нашего консула и забирал кое-какие нужные мне сведения и цифры. В шестом часу дня я отправился вместе с И. М. Лексом обедать к Менотто, нашему драгоману из местных левантийских уроженцев. Живет он прекрасно: великолепная квартира в бельэтаже одного из хороших каменных домов со всеми европейскими удобствами. Славно здесь устраиваются в частных домах квартиры: везде высокие потолки, просторные комнаты, много воздуха, много света, не то что наши петербургские стойла вместо комнат в домах новейшей конструкции. Наши только и щеголяют лестницей с газом и швейцаром, а что до помещений, то из здешней одной комнаты петербургский домохозяин ухитрился бы, пожалуй, выкроить целую квартиру с трех комнатах с прихожей и кухней и драл бы за нее с жилья рублей шестьсот в год, по крайней мере, тогда как здесь целая квартира, настоящая, что называется, «барская» квартира, идет в год за полторы-две тысячи франков.

Сам Менотто – замечательная личность. Прежде всего, это лингвист из ряду вон, и, право, затруднительно было бы сказать, какой язык должно считать его природным, так как он в одинаковом совершенстве владеет русским, греческим, итальянским, французским, английским, немецким, арабским, турецким, коптским, армянским да, кроме того, свободно понимает и может объясниться по-сербски и по-болгарски, так что в этом отношении Менотто для нашего консульства просто золотой человек. Это довольно видный мужчина пожилых лет с седовато-русой бородой и выразительными светлыми глазами. Единственная его слабость, впрочем, совершенно невинная, это ордена, ленточки и отличия (больше орденов, как можно больше!), которыми он очень любит украшать свою грудь, а еще больше говорить о них и не только о своих, полученных им лично, но вообще об орденах, какие они бывают на свете, чем отличаются, какие права с собой соединяют, какие у них степени, ленты, наружный вид и тому подобное. И право же, это такой милый сам по себе человек, что если б от меня зависело, я бы с удовольствием навесил на него все ордена сего мира: носи себе, батюшка, на здоровье! Кроме того, это человек с порядочным артистическим вкусом: он собрал себе небольшую, но хорошую коллекцию картин и неподдельных египетских древностей, между которыми есть несколько замечательных скарабей³⁶

³⁶ Скарабей – род жуков, самки которых откладывают яйца в предварительно скатанные шары. В древнем Египте скарабей был обожествлен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.